

Tracking Down the “Real” GULAG:
Explorations into the Administration of the
Stalinist Forced Labour Camp System

Simon Ertz

Department of History and Institute for East European Studies
Free University Berlin
simon.ertz@gmx.net

PERSA Working Paper
No. 33

THE UNIVERSITY OF
WARWICK
Department of Economics

*Political
Economy
Research in
Soviet
Archives*

Revised Version: 10 April 2004

Tracking Down the “Real” GULAG

Explorations into the Administration of the Stalinist Forced Labour Camp System

by Simon Ertz

Free University Berlin

Acknowledgements

This paper contributes to research on the political economy of the Soviet Union under Stalin funded by the Hoover Institution for War, Revolution and Peace (principal investigator, Paul Gregory). The author expresses his gratitude to Leonid Borodkin, Paul Gregory, Mark Harrison, James Heinzen, Andrei Markevich and Andrei Sokolov for inspiring conversation at Stanford University in Summer 2003. The author is particularly grateful to Andrei Markevich for comments and advice, to the Hoover Institution for providing access to archival materials and funding, and to the German National Academic Foundation, which generously supported this research.

Apologies

This is a very preliminary draft. Please do not cite it without the author's explicit permission. It is written in rough Russian for economical reasons as a later publication might take place in this language first. Native speakers are therefore kindly requested to not feel offended. First draft: March 29, 2004. This draft: April 10, 2004.

Simon Ertz, Dept. of History / Institute for East European Studies, Free University Berlin;
address for correspondence: Hohenzollerndamm 24, Berlin 10717, e-mail: simon.ertz@gmx.net.

Abstract

This paper focuses on the institutions, which were in charge of administering the massive exploitation of forced labour in the USSR during Stalinism. In a setting where frequent restructuring and overlapping competences were the order of the day it makes an attempt to identify and describe core organisational patterns and decisive junctures, thus smoothing the way for future research.

Moreover, on the basis of these explorations, it seeks to gain first insights into the roles of different players in this apparatus. Particularly, it seeks to clarify the real role of one of the most notorious institutions within the Stalinist bureaucracy – the GULAG (meaning the so-called main administration with the Soviet People's Commissariat (Ministry) of the Interior).

It finds that the GULAG throughout the 1930s was a universal management agency in control of the entire system of forced labour camps and colonies, as well as of the often complex economic tasks their inmates fulfilled. As the prison camp economy witnessed a period of extreme expansion, however, a dismantling of the GULAG took place in the beginning of the 1940s. While the GULAG was stripped of its most important economic competences, which were outsourced to separate main administrations within the ministry, it was left with non-economic responsibilities, such as guaranteeing isolation of prisoners and discipline among them, but also ensuring their physical well-being and sanitary conditions in all camps and colonies. With regard to these tasks, the GULAG since the end of the war developed and promoted strategies to significantly improve the state of the camps and colonies, which, however, partly came into conflict with purely economic strategies the newly created main administrations pursued. Moreover, the GULAG's position to enforce its specific strategy was weakened by the fact that on the level of the very prison camps there was no special counterpart who would execute it. Instead, there is evidence that local camp managers, who had to fulfil both non-economic and economic tasks, tended to attach greater significance to the fulfilment of the latter.

Введение

Открытие основных архивных фондов бывших Советских государственных и партийных ведомств в начале 1990-х гг. в корне изменила возможности изучения советской системы исправительно-трудовых лагерей и колоний¹ в период Сталинизма.² До этого момента, (западные) исследователи имели в своем распоряжении источниковую базу, состоящую в основном из воспоминаний и других личных свидетельств бывших узников этих мест заключения. Однако, в то время, как подобные материалы выполняли и продолжают выполнять незаменимую функцию при восстановлении дифференцированной картины о жизненных условиях в советских лагерях и колониях с точки зрения заключенных, а также, в определенных рамках³, об облике лагерной системы в целом, они лишь в весьма ограниченной степени позволяют изучение внутреннего функционирования системы. Возникла ситуация, когда имелись детализированные знания о конечных итогах, вызванных существованием этого исторического феномена – прежде всего: массовом страдании миллионов людей – тогда как стержневые факторы и механизмы, которые к ним приводили, главным образом, оставались субъектом спекуляции.⁴

В такой ситуации, ценность архивных, ведомственных документов заключается в том, что с их помощью можно добывать знания о фактическом внутреннем строении и работе этой системы. На базе документов, возникших при ежедневной работе административных органов и не предусмотренных для сторонних лиц, можно следить за процессами и действиями, которые происходили внутри ее, тем самым поднимая наши знания о функционировании лагерной системы, о факторах и параметрах (идеологических, политических, экономических, социальных, культурных), приведшие к ее созданию и

¹ Далее, вместо терминов «исправительно-трудовые лагеря» и «исправительно-трудовые колонии», преимущественно будут использованы названия «лагеря» и «колонии» соответственно.

² Основная масса документов, относящихся к системе лагерей и колоний НКВД(МВД) находится в фондах Государственного Архива Российской Федерации (далее: ГАРФ). Опубликованы также первые издания выборки этих источников, самым объемистым на сегодняшний день является: Международным фонд «Демократия»: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 (серия: «Россия. XX век. Документы»), Составители А.И.Кокурин, Н.В.Петров, Москва: Изд-во «Материк», 2000 г. (далее: ГУЛАГ. 1918—1960.). Несмотря на разумную и взвешенную выборку самих документов, существенным недостатком этого издания является тот факт, что в нем практически полностью отсутствуют даже попытки к их критической обработке, вследствие чего они выставлены практически без контекста.

³ Проблемы, которые могут возникать при использовании одних таких источников, живо иллюстрировала контрверза об абсолютной численности заключенных в советских лагерях. См. для подробного – однако не критического! – перечисления множества оценок о численности заключенных, произведенных, главным образом, на базе сведений из личных свидетельств бывших заключенных источников, наличных в распоряжении западных ученых до момента открытия архивов: Ralf Stettner: Archipel GULag: Stalins Zwangslager – Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant, Paderborn u.a.O., 1996, С. 376—398. Опубликованные архивные данные см., к примеру, В.Н.Земсков: ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, №.6/1991. С. 10—27, №.7/1991. С. 3—16; Общество «Мемориал», ГАРФ: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник, составитель М.Б.Смирнов, Москва: Звенья, 1998 г. (далее: Система ИТЛ. Справочник); ГУЛАГ. 1918—1960.

⁴ В качестве примера можно указать на распространенный до последних времен тезис, соответственно которому одним из основных моментов, определяющих характеристики системы лагерей и колоний, являлась, условно говоря, «злость» тоталитарной системы, и, в частности, диктатора. См. для вариантов такого весьма понятного, но вряд ли научного объяснения: Александр Солженицын: Архипелаг ГУЛаг. Опыт художественного исследования. YMCA-Press, Paris, 1973 г., а также Иванова Г.М.: ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. Москва, 1997 г.

определявшие те формы проявления, которые она принимала в реальности – и, наконец, о том, какое место она занимала в политэкономическом строе тоталитарного государства, на более высокий уровень.

Рассматривая наличную на нынешний день литературу по данной тематике, картина получается двойная. С одной стороны, при применении разных – в т.ч. институциональных и экономических – подходов к архивным источникам, безусловно сделан некоторый прогресс в плане углубленного анализа вышеупомянутых вопросов о функционировании системы.⁵ С другой стороны, должно быть бесспорно, что один из первых и основных этапов исследовательского процесса должен заключаться в четком определении и в целенаправленном анализе структур, из которых состоял аппарат управления системой лагерей и колоний – а далее: в выяснении определенных функций и задач, которые они должны были выполнять, и – что не автоматически одно и то же – той политики, которую они проводили в действительности. Тем не менее, такая работа до настоящего момента отсутствует, что существенно ограничивает перспективы исследовательской работы в указанных направлениях. Более того, при таких условиях, значительно усложнены предпосылки для текстовой, в частности: внутренней критики источников, вследствие чего ставится сам вопрос аккуратности аналитической работы, причем тем с большой остротой, чем глубже исследователи проникают в документы, оставленные этими структурами.

Поэтому, данная работа ставит перед собой целью анализировать административные структуры, которые управляли системой лагерей и колоний НКВД(с 1946 г.: МВД) в период Сталинизма с учетом распределения между ними основных функций и ответственностей. При этом в центре внимания будет стоять не освящение исключительно всех подробностей становления и развития этой системы, ибо в таком плане уже проделана существенная работа.⁶ Вместо этого, мы попытаемся идентифицировать основные, решающие управленческие структуры системы, с учетом распределения между ними основных функций и компетенций. Для получения наиболее надежных результатов, аргументация при этом будет опираться не только на рассмотрение формальных регламентов, определявших работу административного аппарата, но и на анализ делопроизводственных документов, из которых можно извлечь информацию о фактических компетенциях данных ведомств.

В ходе этой работы будет также выяснена роль одной из самых пресловутых организаций советского периода: ГУЛАГа⁷ – «Главного управления

⁵ См., к примеру: Paul Gregory / Valery Lazarev (ed.): The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag, Stanford: Hoover Institution Press 2003.

⁶ См. Система ИТЛ. Справочник, включая вступительные статьи: М.Джекобсон, М.Б.Смирнов: Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917—1930 гг., С. 10—24; М.Б.Смирнов, С.П.Сигачев, Д.В.Шапов: Система мест заключения в СССР. 1929—1960 гг., С. 25—74. Полный текст произведения также выставлен на сайте: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>. Этим изданием, представляющем собой аккуратную и систематическую компиляцию данных о центральных и региональных управленческих структурах, прежде всего, системы лагерей, мы в рамках данного исследования широко будем воспользоваться. Однако, как уже выходит из его названия, основная его задача – энциклопедическая, не аналитическая.

⁷ Как известно, термин «ГУЛАГ» в русском, а также и в других языках широко используется для обозначения всей сталинской системы мест заключения как таковой, а нередко еще и совокупности связанных с ней структур НКВД(МВД), вовлеченных в процесс ареста миллионов жертв «Красного террора», впоследствии осужденных к длительным срокам лишения свободы с привлечением их к принудительному труду. По крайней мере с момента выхода в свет «Архипелаг ГУЛага» Солженицына, такое обширное употребление термина укоренилось и в западной литературе, в том числе и в научной, в которой он доминирует до сегодняшнего дня (См. некоторые из последних публикаций по тематике: Anne Applebaum: Gulag: A History, New York et

лагерей, которое с 1930/31—1960 гг. существовало в составе НКВД/МВД (или временно: ОГПУ/Министерства Юстиции) СССР.⁸ Именно на его примере – особенно за период 1940-х и 1950х гг. – будет в образцовом порядке изучено соотношение между компетенциями этого ведомства и той политики, которую он фактически преследовал. При этом будут продемонстрированы перспективы дальнейших исследований в плане вопросов, подобных тем, в какой степени установленное распределение задач действительно отражалось в реальной политике отдельных ведомств, и существовали ли в строе административного аппарата пересечения и потенциалы для межведомственных конфликтов.

Данное исследование состоит из трех частей. В первой излагаются структуры советской системы лагерей и колоний за период Сталинизма, уделяя особое внимание принципиальным различиям между обоими типами мест заключения, релевантным для понимания разных принципов управления ими. Во второй части рассматриваются те конкретные структуры, которые управляли сетями лагерей и колоний соответственно. Третья часть посвящена изучению специфической роли ГУЛАГа в этом административном аппарате и ее импликаций для политики, которую он фактически проводил, а также для перспектив ее реализации.

1. Очерк структуры системы лагерей и колоний в СССР с 1930-х до 1950-х гг.

Советская пенитенциарная система в период Сталинизма состояла из некоторых разнообразных компонентов.⁹ Помимо тюремной системы, включавшая в себя такие учреждения, как изоляторы, политизоляторы, следственные и пересыльные тюрьмы, психиатрические тюремные больницы и пр., существовали так называемые «спецпоселения» или «трудовые поселения», в которые, начиная с 1930-го года, направлялись, в основном, высланные в рамках принудительной коллективизации сельского хозяйства «кулаки».¹⁰ Однако, в центре и пенитенциарной политики, в период Сталинизма стояли не эти институты, а «исправительно-трудовые лагеря»¹¹ и «исправительно-трудовые колонии». Через эти места заключения, которую одновременно играли

al.: Doubleday 2003: Gregory / Lazarev: The Economics of Forced Labor). В данной статье, однако, аббревиатура ГУЛАГ употребляется исключительно для обозначения ведомства.

⁸ Официальное название этого ведомства за весь период его существования менялась не меньше чем десять раз. Не каждый из этих актов переименования был обусловлен значимыми реальными административными изменениями. В отдельные периоды, к примеру, оно звучала: «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР» (1934—1938 гг.), «Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудпоселений и мест заключения НКВД СССР» (1938—1941 гг.), «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (с 1946 г.: МВД) СССР» (1941—1953 гг.). Однако, из делопроизводственных документов явствует, что аббревиатура «ГУЛАГ» во весь этот период сохранялся. Поэтому, мы в дальнейшем будем пользоваться только им и указывать на временные переименования только в качестве исключений

⁹ J. Arch Getty; Gabor T. Rittersporn, Viktor N. Zemskov: Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence, *The American Historical Review*, Vol 98, No. 4 (Oct., 1993), 1017—1049, здесь: С. 1019—1020. Кокурин, А: Тюремная система. 1934—1960. / Система ИТЛ. Справочник, С. 538—539.

¹⁰ В.Н.Земсков: Судьба «Кулацкой ссылки» (1930 - 1954 гг.) // Отечественная история 1994, №1, С.118—143; "Кулацкая ссылка" в 30-е годы // Социологические исследования. 1991, № 10. С. 3—21.

¹¹ К ним следует также отнести те 12 «Особых лагерей», которые в СССР создались, начиная с 1948 г.

центральную роль в процессе массовых репрессий сталинских времен, по различным оценкам прошли близ двадцати миллионов человек.¹² Их доминирующая роль объясняется тем, что именно лагеря и колонии в СССР были предназначены для отбывания приговоров к лишению свободы, независимо от того, были ли те вынесены судьями или административными органами. Более того, стандартное присоединение акта лишения свободы с приговором к принудительному труду, предусмотренное уголовными и исправительно-трудовыми кодексами союзных республик, сделало из лагерей и колоний места его массового использования.

В наличной до сих пор научной литературе по советской лагерной системе, сам факт существования этих двух типов мест заключения давно учтен и общепризнан. Вышли в свет многочисленные публикации – то и дело с последовательными диспутами – с целью корректного установления, наряду с другими категориями жертв тоталитарной системы, цифр находившихся в этих местах заключения узников,¹³ а также были представлены описания административных структур, которыми они управлялись. На этом фоне несколько удивляет, что эта литература пока пренебрегала некоторыми из самых основных характерных черт, которыми отличались лагеря от колоний, что в некоторых случаях могло привести к некорректным выводам.¹⁴ Поэтому думается, что в данном контексте имеет смысл вкратце очертить, в чем заключались сходство и различие между лагерями и колониями.

Если начать с внешних, материальных условий жизни заключенных, то здесь между лагерями и колониями на первый взгляд категорической разницы практически не было. И в лагерях, и в колониях, узники находились в «зоне», оборудованной, как правило, бараками, окруженной вышками и оцепленной колючей проволокой, из которой они ежедневно выводились на определенный объект работы. Более того, все режимные правила в колониях практически соответствовали тем, установленным для лагерей, а с 1947 г. режим содержания заключенных в местах заключения обоих типов вообще регулировался единой инструкцией.¹⁵ Питались узники в колониях по тем же скудным нормам, как и в

¹² См. для отнюдь не конечной и всесторонней, но тем не менее инструктивной дискуссии возможностей и проблем измерения этого и подобных показателей: Applebaum: GULAG, С. 578—586.

¹³ См. сноски 3, а также: Getty / Rittersporn / Zemskov: Указ. соч., Stephen Wheatcroft: The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930—1945 // Europe-Asia Studies, Vol. 48, No. 8 (Dec., 1996), С. 1319—1353, Robert Conquest: Victims of Stalinism: A Comment // Europe-Asia Studies, Vol. 49, No. 7 (Dec., 1997), С. 1317—1319, Stephen Wheatcroft: Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: Not the Last Word // Europe-Asia Studies, Vol. 51, No. 2 (Mar., 1999), С. 315—345, John Keep: Wheatcroft and Stalin's Victims: Comments // Europe-Asia Studies, Vol. 51, No. 6 (Sep., 1999), С. 1089—1092, Robert Conquest: Comment on Wheatcroft // Europe-Asia Studies, Vol. 51, No. 8 (Dec., 1999), С. 1479—1483, Stephen Wheatcroft: The Scale and Nature of Stalinist Repression and its Demographic Significance: On Comments by Keep and Conquest // Europe-Asia Studies, Vol. 52, No. 6 (Sep., 2000), С. 1143—1153.

¹⁴ См., к примеру, Paul Gregory: An Introduction to the Economics of the Gulag // Gregory / Lazarev: The Economics of Forced Labor, С. 1—21. Приведенные там характеристики колоний как мест заключения могут ввести в заблуждение, вызывая впечатление, будто колонии находились преимущественно в отдаленных местностях и ни были сооружены оцеплением, ни обладали охраной для предотвращения побегов узников (С. 9, 14). Как будет изложено в дальнейшем, такая картина не соответствовала действительности.

¹⁵ Приказ МВД № 0190 от 29. марта 1947 г. До этого момента, правда, регулирование режима в колониях было не окончательно выясненным. Так, в одном отчете по работе лагерей и колоний из 1939 г., в качестве одной из причин неудовлетворительного (с точки зрения ГУЛАГа) состояния режима во многих колониях называется то обстоятельство, что «отсутствует единый документ (инструкция) определяющий порядок содержания заключенных в исправительно-трудовых

лагерях¹⁶, и даже такой фундаментальный сводный показатель, как средняя смертность среди заключенных на союзном уровне, на протяжении почти 30-и лет в колониях всегда практически равнялся тому, который наблюдался в лагерях¹⁷, причем значительные его колебания за 30-и летний период существования этой системы наблюдались синхронно как в лагерях, так и в колониях.¹⁸

Тем не менее, одна принципиальная разница отличала колонии и лагеря друг от друга, и исходя из нее объясняется ряд других структурных особенностей и лагерей, и колоний как таковых. Ей являлся главный формальный критерий, по которому осуществлялся отбор заключенных для той или иной категории мест заключения. Соответственно республиканскими уголовным кодексам, а также секретным инструкциям, все осужденные в СССР на срок до трех лет подлежали размещению в колониях, а осужденные на более длительный срок – направлению в лагерь.¹⁹ По отношению к составу контингентов узников в обоих этих типах мест заключения, такая регламентация одновременно означала, что в лагерь отправлялись не только лица, осужденные за значительные уголовные преступления на длительные сроки, но и большинство политических заключенных, которые в основной массе своей были осуждены по пресловутой 58-й статье УК за «контрреволюционные преступления» на сроки, значительно превышающие три года.²⁰ Так как последние, в глазах правительства, представляли собой ничуть не меньшую угрозу для социалистического общества, чем убийцы и уголовники-рецидивисты, во второй статье «временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» эксплицитно было сказано, что эту категорию заключенных следовало направлять, «... как правило, в лагерь находящиеся в отдаленных местностях.»²¹

Таким образом, теоретически было предусмотрено четкое разделение всего

колониях» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2989. л. 62.). Однако, следует учитывать, что инструкции, как правило, представляют собой ничего другого, чем свод существующих или новых правил, которые обычно устанавливаются отдельными административными актами. Так как правила по вопросам режима содержания заключенных, к примеру в форме приказов и распоряжений, на практике были изданы зачастую по лагерям и колониям, можно утверждать, что действующие режимные правила в местах заключения обоих типов сходились и до 1947 г.

¹⁶ Приказ № 00943 НКВД от 14.августа 1939 г.

¹⁷ Степень соответствия в этом плане почти что удивляет, поскольку внутри системы лагерей, а также среди всех управлений колоний (УИТК) областей и союзных республик, отличия в уровне смертности наблюдались более чем значительные. См. для сводных данных о смертности по всем лагерям и колониям НКВД(МВД) (1932—1959 гг.): ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2883. Л. 114, 116; Д. 2890. Л. 250 об. Сводные данные по смертности только по лагерям (1932—1947 гг.) см. Д. 1155. Л. 27, 34, 43, 49, 53, 62; Д. 2784. Л. 10, 26; Д. 2788. Л. 34; Д. 2796. Л. 128; Д. 2804. Л. 39; Д. 2817. Л. 48; Д. 2821. Л. 127.

¹⁸ Необходимо отметить, что все изложенное в этом абзаце вовсе не мешало тому, что существовали, в плане этих условий, весьма существенные различия между отдельными исправительно-трудовыми лагерями, их отделениями, а также разными исправительно-трудовыми колониями. Такие различия в определенной степени могли зависеть от таких факторов, как расположения данных мест заключения, специфической производственной сферы, в которой их заключенные использовались, и особенно от периода, в котором они существовали.

¹⁹ Уголовный кодекс РСФСР в редакции, принятой 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введенный в действие постановлением ВЦИК 22.11.1926. См. также ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 368. Л. 37—38.

²⁰ ГУЛАГ. 1918—1960, С. 434.

²¹ Приказ НКВД № 00889 от 02. августа 1939 г. Подобное правило устанавливала и последовательная «Инструкция по режиму содержания з/к в ИТЛ и колониях МВД», объявленной в 1947 г.: «Заключенные, осужденные за особоопасные преступления: измену родине, террор, шпионаж, диверсию, контрреволюционный саботаж (ст. 58-14), участие в троцкистских, правых фашистских, националистических и других антисоветских организациях, ... иноподданные, осужденные за бандитизм, вооруженный разбой, побеги, а также з/к-рецидивисты ... как правило, направляются в отдаленные северные лагеря.» (Приказ № 0190 МВД от 29. марта 1947).

контингента заключенных соответственно длительности их ожидаемого пребывания под стражей, а также по признаку их «опасности»: когда в колониях осужденные за менее значимые правонарушения должны были отбывать свои относительно короткие сроки, лагерям подлежало содержать «настоящих» уголовников, а также «контрреволюционеры», которые, наряду с первыми, должны были отбывать значительные сроки под особо тщательной их изоляции от общества. Такой принцип нашел свое отражение и в статистике: на 1-е января 1951 г., 475.976 (или 80,6%) из всех осужденных за «контрреволюционные преступления», интернированных в системе лагерей и колоний, находились в исправительно-трудовых лагерях, а только 114.311 (или 19,4%) были размещены в колониях.²² И хотя эти цифры вскрывают, что эта политика – как, впрочем, и четкое разделение контингентов по признаку сроков²³ – не всегда точно соблюдалась, то они одновременно передают, что она, тем не менее, в общих чертах была реализована на практике.

Фактически, отсюда можно вывести принципиальные различия, которые существовали между колониями и лагерями в плане организации использования принудительного труда узников. Дело в том, что короткое среднее пребывание заключенных в колониях, которое неизбежно приводило к повышенной текучести среди них, существенно ограничивало возможности их трудового использования. С экономической точки зрения, заключенных, которых в недалеком будущем уже следовало освобождать, не стоило вести в отдаленные местности, к примеру в Сибирь или на Дальний Восток, куда только этапирование уже могло длиться неделями, а то – в зависимости от сезона – и месяцами. Более того, обучение их профессиональным навыкам или квалификациям в целях повышения производительности их труда с точки зрения администрации колонии являлось бы мало выгодным мероприятием, приносящим ей весьма краткосрочную ожидаемую пользу ввиду относительно скорого срока их нахождения под стражей. Наконец, высокая текучесть заключенного персонала автоматически влекла за собой непредсказуемость количества и «качества» наличной в будущих периодах рабочей силы, что отрицательно могло сказаться на планировании крупных экономических проектов, требующих многолетнего периода реализации. На фоне всех этих факторов не удивляет, что значительная масса заключенных колоний использовалась либо на несложных работах второстепенного значения – в основном в сельском хозяйстве и в легкой промышленности – либо предоставлялась в распоряжение других, гражданских наркоматов.

Во всех упомянутых пунктах, предпосылки для использования труда заключенных были намного более благоприятными в лагерях. В распоряжении лагерей заключенные, как правило, находились для многолетнего эксплуатации, что открывало возможности их использования для реализации более крупных экономических объектов, а также в отдаленных районах страны. Следовательно, на всех без исключения крупных промышленных и строительных проектах, которые в период Сталинизма реализовались, используя принудительный труд, работали заключенные специально созданных исправительно-трудовых лагерей.

Такое распределение ролей – лагеря выполняли крупные хозяйственные задачи, в то время как колонии были заняты экономической деятельностью гораздо менее требовательного характера²⁴ – во многом определяло

²² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1.Д. 326. Л. 35; Земсков: ГУЛАГ // Соц. исс., №6/1991. С. 11.

²³ См., к примеру, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1.Д. 1170. Л.1.

²⁴ Такой принцип диверсификации экономических задач между лагерями и колониями формировался в течении первых лет 1930-х гг. При этом, ключевыми факторами являлся ряд решений о реализации крупнейших инвестиционных проектов, в т.ч. и строительства Беломор-

организационную структуру и административный строй сетей лагерей и колоний соответственно. Отсюда объясняется, что лагеря, в огромном большинстве своем, организовывались, исходя из определенного, нередко: комплексного производственного объекта. Следует отметить, что понятие «производство» или «производственный объект» в данном контексте – широкое. Оно могло относиться к определенному строительному объекту (например: строительство завода, авто- или железной дороги, канала – как, к примеру, в случае Беломорско-Балтийского, Дмитровского, Байкало-Амурского исправительно-трудовых лагерей), или к такой емкой и долгосрочной задаче, как масштабной эксплуатации полезных ископаемых. Во втором случае, речь также могла идти об освоении целых, отдаленных районов страны, что, разумеется, еще и включало в себя экономические задачи многих других видов. Таковы были задачи, которые, например, стояли перед Воркутинским, Норильским, Северо-восточным исправительно-трудовыми лагерями. Как раз такая задача – освоение и развитие отдаленных, преимущественно северных и восточных, малоразвитых районов СССР, имеющих стратегическое значение в силу наличия там значительных запасов полезных ископаемых, была фиксирована как одна из основных экономических функций исправительно-трудовых лагерей в ходе коренной реорганизации системы мест заключения в июле 1929 г., которая во многом предопределяла рамки ее развития за следующие три десятилетия.²⁵ Однако, этим спектр возможных экономических функций лагерей не исчерпывался. Были созданы лагеря, выполняющие лесозаготовительные, а зачастую и деревообрабатывающие работы в определенных районах (Свирский и Темниковский исправительно-трудовые лагеря), лагеря, занятые нефтедобычей (Ухто-Печорский/Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь), или лагеря, которым было поручено развертывание масштабных сельскохозяйственных работ (Карагандинский и Сибирский исправительно-трудовые лагеря). При всем этом не было исключено, что экономический профиль того или иного лагеря мог и меняться со временем – после выполнения одних задач другие, последовательные могли приобретать большего удельного веса. Тем не менее, практически все лагеря объединял тот фактор, что их размер и структура определялись, прежде всего, размерами и структурой экономических заданий, поставленных перед ними – как бы разнообразны те ни были. Соответственно, лагеря, которым было поручено выполнение самых крупных экономических задач, могли достигать громадных территориальных размеров, а численность заключенных в них доходило до многих десятков тысяч заключенных, в некоторых случаях превышая даже 100.000 человек. С другой стороны, в разные периоды существовало множество лагерей гораздо меньших размеров (порядка несколько тысяч заключенных), которые в большинстве своем обслуживали отдельный строительный объект, после завершения чего они зачастую полностью ликвидировались.

Такой принцип организации лагерей соответственно структуре и размеру данного производства стал возможным потому, что «исправительно-трудового

балтийского канала, используя труд заключенных лагерей ОГПУ (Oleg Khlevnyuk: The Economy of the OGPU, NKVD and MVD of the USSR, 1930—1953: The Scale, Structure and Trends of Development // Gregory / Lazarev: The Economics of Forced Labor, С. 46—48). До этого момента, экономическая деятельность первых исправительно-трудовых лагерей ОГПУ еще носила намного более скромные черты (Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 29), ибо главным экономическим требованием к лагерям в тот период было лишь достижение самоокупаемости (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 11а. Д. 555. Л. 5.; Д. 725. Л. 2.).

²⁵ Джекобсон М., Смирнов М.Б. Указ. соч. С. 18—19; Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 25—26.

лагеря» (ИТЛ), как правило, состояли из переменного количества лагерных отделений, содержавших до 2.000-и, а иногда и больше узников. Кроме них, в составе ИТЛ (а также одного лагерного отделения) еще и могли существовать более мелкие структуры – лагерные пункты, отдельные лагерные пункты, участки, командировки и т.п. Численность лагерных отделений в крупных лагерях НКВД/МВД могло доходить до несколько десятков, а в самых крупных, как Вамлаг или Севвостлаг, составляло больше ста отделений всех видов, рассыпанных по огромной территории. Поэтому то, что в терминологии ГУЛАГа называлось «исправительно-трудовым лагерем» нередко представлял собой, скорее, лагерный комплекс, т.е. комплекс лагерных отделений. Причем эти лагерные отделения между собой могли отличаться типом режима (возможны были облегченный, общий, усиленный, строгий (с 1948 г.), штрафной, а после 1943 г. еще и каторжный режимы), как правило, были изолированы друг от друга и содержали специфический контингент заключенных, который использовался на определенных работах в рамках общих экономических задач данного лагеря. Расположение лагерных отделений, в первую очередь, также определялось требованиями производства: наличие большого объема работ на одном месте могло привести к организации там нескольких или многих лагерных отделений в близости друг от друга. В случае распыленности работ по большой территории, отделения одного и того же исправительно-трудового лагеря, наоборот, могли находиться в расстоянии сотен километров друг от друга.

Организационный строй колоний выглядел принципиально иначе. То, что в данном контексте, а также в официальной терминологии ГУЛАГа сплошь обозначается общим названием «колония», как правило, состоялось только из одного лагерного подразделения – которому в административной практике могли быть присвоены такие наименования, как «исправительно-трудовая колония (ИТК)», «лагерное отделение», «лагерный пункт» или «отдельный лагерный пункт (ОЛП)»²⁶. Впоследствии, колонии – по сравнению с исправительно-трудовыми лагерями – были гораздо меньшего, а также более однообразного объема. В то время как в одном исправительно-трудовом лагере, как уже было изложено, могло числиться от весьма малого числа узников до больше 100.000-и человек, численность заключенных одной колонии, как правило, составляла от несколько сотен до порядка одной – двух тысяч заключенных.²⁷ Тем не менее, можно утверждать, что лагеря, в среднем, были гораздо большего объема, чем колонии, что явствует из противопоставления среднего состава заключенных, находящихся в обоих типов мест заключения. Так, к 1-му января 1947 г., во всех 65 исправительно-трудовых лагерях МВД содержалось 808.839 заключенных, что соответствовало средней аритмической численности заключенных по одному лагерю в размере 12.444 человек. В то же время, в примерно 1.400 колониях в СССР находилось 912.136 заключенных, т.е. в среднем в одной колонии около 650 узников.²⁸

²⁶ Эти разнообразные названия вполне могут вызвать некоторое заблуждение, поскольку все они, кроме «ИТК», также применялись по отношению к подразделениям исправительно-трудовых лагерей. Причем следует упомянуть, что «отдельные лагерные пункты» и «лагерные отделения» в сети колоний появлялись не раньше конца 1930-х гг. См. Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 46.

²⁷ См., например, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1316.

²⁸ Соответствующие цифры на 1-е января 1950 г.: средняя численность узников в лагерях: 14.908 человек, в колониях – 1.124; на 1-е января 1953 г.: 10.937 человек в лагерях, а 506 – в колониях. Все расчеты произведены на базе данных, приведенных в докладах (в одном случае: в проекте доклада) Круглова на имя Сталина, Берия и Маленкова (ГАРФ. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 25; Д. 374. Л. 5, Д. 507. Л. 50), используя также информацию об общей численности заключенных из

Как и лагеря, каждая колония тоже имела при себя свое производство – в легкой промышленности или в сельском хозяйстве – или же она была организована для обслуживания определенного производства другого министерства. В последнем случае, колония характеризовалась как «контрагентская»²⁹ – ее экономическая функция заключалась не в продукции товаров, а лишь в предоставлении рабочей силы гражданскому предприятию.³⁰ От подразделений исправительно-трудового лагеря, однако, колонии отличались тем, что их производственная деятельность, как правило, была организована независимо от той других колоний – она не представляла собой часть большего, единого экономического проекта или комплекса. Каждая из них была подчинена единому территориальному управлению – их подчинение было территориальное, а не определялось исходя из отрасли или производственного профиля. При этом, все колонии, которые находились в подчинении одного территориального управления, как правило, находились на одном и том же административном уровне.³¹ И хотя, при определении местности для создания очередной колонии, наличие там производственного объекта (или же возможность организации такого) также играли свою роль, уже характер типических экономических задач колоний, как производство ширпотреба или сельхозпродукции, содействовал более равномерному распределению колоний по территории СССР – в то время как лагеря сосредотачивались в тех местностях, где стояли крупные экономические задачи. В результате, колонии и лагеря развивались в, по большому счету, независимых друг от друга сетях.³² Резюмируя, можно утверждать, что экономические функции исправительно-трудовых лагерей были настолько выражены, что именно они диктовали весь структурный строй лагерей.

статистики ГУЛАГа (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1а, 2), а также данные из той же статистике, воспроизведенные в статье Земскова (ГУЛАГ // Соц. исс., №6/1991. С. 11.).

Примечание: Только в течении двух лет – 1945 и 1947 гг. – численность узников колоний несколько превышала количество заключенных в ИТЛ. За все остальные годы в период Сталинизма, в лагерях находилось, отчасти намного, больше узников, чем в колониях.

²⁹ Заключенные, переданные другим хозяйственным органам на контрагентских началах, использовались на различных работах. К концу 1940-х гг., к примеру, 65% из них были заняты на строительных работах, 20% непосредственно на промышленном производстве (в цехах) и 15% на лесозаготовительных, погрузочно-разгрузочных и других работах. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 55.). Притом удельный вес контрагентских колоний среди всех колоний НКВД(МВД) всегда был существенным. К примеру, из 425 исправительно-трудовых колоний, находившихся в составе ГУЛАГа по состоянию на 1 марта 1940 г., 170 были промышленного, 83 сельскохозяйственного и 172 "контрагентского" типа (Земсков С.: ГУЛАГ // Соц. исс., №6/1991. С. 13.).

³⁰ Необходимо добавить, что некоторое исключение в этом плане составляли «контрагентские» колонии, которые обслуживали производственные объекты НКВД/МВД (которые, правда, находились *вне* ведения ГУЛАГа). Так, в середине 1930-х гг., по приказу НКВД целенаправленно были созданы колонии для обслуживания строительства автогужевых дорог, которыми руководило Главное Управление Шоссейных Дорог НКВД СССР. См. Система ИТЛ. Справочник, С. 121.

³¹ См. ниже, С. 31—32. Правда, и в этом плане необходимо указать на возможные отклонения от этого принципа: колония с названием «лагерный пункт» могла являться либо субструктурой одной «ИТК» или одного «лагерного отделения», либо самостоятельной структурой, подчиненной непосредственно управлению на территориальном уровне.

³² Это означает, что с одной стороны, колонии могли находиться в районах страны, где лагерей вообще не имелось – и наоборот. С другой, в одной и той же области, и в некоторых случаях даже в окрестностях одного и того же города колония могла существовать рядом с лагерными отделениями исправительно-трудового лагеря. При этом, единственный теоретический нормативный принцип, соответственно которому и лагеря, и колонии должны были быть организованы, были близость к месту работ, и одновременная отдаленность от гражданских населенных пунктов. См. «Временные инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», объявленную Приказом НКВД № 00889 от 02.08.39 г. (Документ опубликован в: ГУЛАГ. 1918—1960, С. 456—473.), Приказ № 0190 МВД от 29. марта 1947 г.

Колонии, наоборот, показались, прежде всего, как места заключения, которые при этом еще и выполняли экономические задачи.

На этом фоне следует уделять внимание еще одному аспекту соотношений лагерей и колоний. Как выше уже было упомянуто, центральный принцип отправления заключенных со сроками выше трех лет в лагеря, а с более короткими сроками – в колонии, в отдельных случаях был нарушен, например, в случае острого недостатка важных экономических объектов в рабочей силе. В таком оказались лагеря и стройки НКВД в начале 1939 г., что приводило – по эксплицитным просьбам со стороны начальства ГУЛАГа³³ – помимо других специальных мерах, принятых в целях укрепления рабочей силы³⁴, к изданию специального постановления СНК СССР, разрешающего НКВД переводить в лагеря из исправительно-трудовых колоний осужденных на сроки до двух лет³⁵.

Противоположная ситуация возникала к концу и после войны, когда значительная группа долгосрочных заключенных находилась в колониях, составляющая на июль 1947 г. больше половины всех размещенных там узников – в то время, как 13.4% заключенных, находившихся на тот момент в лагерях, имели срок менее 3-х лет – что вполне могло вызывать впечатление стирания грани между лагерями и колониями³⁶. С другой стороны, есть индикаторы того, что в основе такого положения в послевоенной системе лагерей и колоний частично опять-таки лежала повышенная экономическая значимость лагерей по отношению к колониям. Так, в закладной записке начальника ГУЛАГа, Долгих, на имя министра внутренних дел Круглова с 13. марта 1952 г. указывалось на укоренявшуюся в предыдущие годы практику, по которой определенная категория заключенных с долгими сроками осуждения, но не отвечающих по своему физическому состоянию требованиям лагерей к полной трудоспособности контингентов, «... в лагери не направляется, а оседает в подразделениях УИТЛК-ОИТК [т.е. в колониях – прим. авт.]».³⁷

Эти два примера – а можно было бы привести несколько подобных – указывают на то, что правило распределения контингентов по лагерям и колониям соответственно их срокам, было разрушено именно тогда, когда точное его соблюдение шло бы вразрез той цели, для достижения которой оно изначально было установлено – для максимально надежного, бесперебойного снабжения лагерей трудовыми ресурсами в виде заключенных. Таким образом, отступление от него в описанных случаях не противоречит, а, наоборот, поддерживает гипотезу, что в организации работы лагерей экономические мотивы преобладали в гораздо большей степени, чем по отношению к руководству колониями. Эта картина получает дополнительное подтверждение, если включить в анализ динамику сводной численности заключенных лагерях и колониях НКВД(МВД) СССР на протяжении больше 20-и лет. Такая статистика представлена в рисунке 1.

Рисунок 1

Численность заключенных во всех лагерях / во всех лагерях и колониях
НКВД/МВД (списочный состав на 1-е число каждого года)

³³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1140. Л. 40—41, 131.

³⁴ См. Simon Ertz: Trading Effort for Freedom: Workday Credits in the Soviet Camp System, paper prepared for the Abram Bergson Memorial Conference at the Davis Center for Russian and East European Studies, Harvard University, November 2003, С. 20—21.

³⁵ Постановление СНК СССР № 882-143/с от 17. июня 1939 г. См. также ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1170. Л.1.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 175 об.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 117. Л. 153.

Источники: По лагерям и колониям: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. ЛЛ. 1а, 2. С 1949 по 1954 гг.: Земсков В.Н.: ГУЛАГ // Соц. исс., №6/1991. С. 11; №7/1991. С. 12. Данные за 1954 г. за 1. апреля.

* Примечание: До 1934 г. колонии не находились в подчинении НКВД СССР, а подчинялись республиканским НКЮ. Поэтому данные о заключенных, находящихся в колониях, за период до 1934 г. здесь не приводятся.

Так как эти данные уже неоднократно публиковались, а также комментировались³⁸, отпадает необходимость повторной интерпретации общей их динамики. В данном контексте, указывается лишь на один значимый аспект, вытекающей из развития соотношения агрегатных численностей узников в лагерях и в колониях: во-первых, из образа кривых, особенно во второй половине 1930-х гг., а также в середине 1940-х гг., явствует, что краткосрочные колебания в *общей* численности заключенных в системе лагерей и колоний НКВД(МВД) – которые, к примеру, могли быть вызваны амнистиями, как в 1945 г. – несколько более прямым образом сказывались на число узников, находящихся именно в колониях. Во-вторых, когда, наоборот, наблюдался более продолжительный прирост в численности всех узников (с середины 1930-х по началу 1940-х гг., а также с конца Второй мировой войны до начала 1950-х гг.), то это хотя и могло начать с прироста контингента и в колониях, но на долгий срок произошло практически исключительно за счет продолжительного подъема контингентов лагерей. Таким образом, кажется, что колонии на краткий срок по отношению к сильным изменениям в сальдо притоков и оттоков заключенных в некоторой мере выполняли буферную функцию, в то время как более долгосрочные тенденции в развитии системы лагерей и колонии как таковой преимущественно отражались в экспансии или сокращении контингентов лагерей.

³⁸ Земсков, ГУЛАГ // Соц. исс., №6/1991. С. 11; №7/1991. С. 12; Getty / Rittersporn / Zemskov: Указ. соч., С. 1040, 1048—1049; Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 43; Borodkin, Leonid, Ertz, Simon: Coercion versus Motivation: Forced Labor in Norilsk // Gregory / Lazarev: The Economics of Forced Labor, С. 77—78.

2. Основные структуры и принципы управления лагерями и колониями

Все эти описанные, принципиальные функциональные и структурные различия между лагерями и колониями нашли свое отражение в административном аппарате, которым осуществлялось управление всей системы. Следовательно, рекомендуется изучать строение последнего с учетом этой приметы – путем отдельного анализа принципов управления лагерями и колониями соответственно. Ввиду того, что из вышеизложенного явствует, что сеть исправительно-трудовых лагерей, а не колонии представляла собой костяк того лагерно-экономического комплекса, который в период Сталинизма образовался в целях массовой и долгосрочной эксплуатации принудительного труда заключенных, мы начнем с рассмотрения принципов управления лагерями, а также изменений этих принципов с течением времени.

2.1 Управление лагерями, конец 1920-х – конец 1930-х. гг.

Процесс формирования и развития системы исправительно-трудовых лагерей затянулся с ранних 1920-х лет до начала 1930-х лет.³⁹ Принято считать, что он приводил к двум главным результатам: во-первых, эксплуатация труда находящихся в лагерях контингентов заключенных в изложенных выше целях укоренилась как основная экономическая функция этих мест заключения нового типа. Во-вторых, лагеря опередили существующие тюрьмы и общие места заключения (колонии), становясь «доминирующим типом мест заключения в стране»⁴⁰. В течение этого процесса, лагерная система во всех отношениях находилась в подчинении ОГПУ СССР⁴¹. Для выполнения этих административных задач, в этом ведомстве 25 апреля 1930 г. было образовано Управление Лагерьей ОГПУ (УЛАГ)⁴², которому уже через несколько месяцев был присвоен статус главного управления⁴³, так что его название превратилось в «ГУЛАГ ОГПУ». Когда ОГПУ в июле 1934 г. растворилось в новосозданный НКВД СССР, ГУЛАГ стал главком этого наркомата. В таком положении он оставался – если не учитывать, что он с марта 1953 г. по январь 1954 г. временно был передан в Министерство Юстиции (МЮ) СССР – до своей ликвидации в 1960 г.⁴⁴

С момента создания первых лагерей системе ОГПУ в 1920-е гг., характерным для них являлось прямое подчинение этому ведомству. В этом лагерь с самого начала отличались от общих мест заключения – основными из которых после 1929 г. стали исправительно-трудовые колонии –, руководство

³⁹ Для подробного изложения этапов этого процесса см. Джекобсон, С. 16..19, Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., 25—34; Jakobson, Michael: *Origins of the GULAG. The Soviet Prison Camp System 1917—1934*, Lexington 1993; Хлевнюк, О.: *Принудительный труд в экономике СССР: 1929—1941 годы* // *Свободная мысль*, № 13 / 1992, С. 73—84. См. также Applebaum, С. 18—40.

⁴⁰ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 34. – Следует подчеркнуть, что при такой оценке, не учитываются специальные поселения, созданные в отдаленных районах страны для жертв так называемого «раскулачивания» в начале 1930-х гг. См. выше, С. 5.

⁴¹ Самые первые тюрьмы («политизоляторы»), а также первое лагерное управление (Управление северных лагерей ГПУ), которыми, начиная с момента своего образования, руководило ОГПУ СССР, правда, существовали еще до этого момента – в подчинении ГПУ НКВД РСФСР, которое, наряду с существовавшими до этого момента ГПУ остальных союзных республик, в июне 1923 г. было слито в ново созданное ОГПУ. (Джекобсон, Смирнов: С. 16)

⁴² Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., 27, ГУЛАГ. 1918—1960, С. 222.

⁴³ ГУЛАГ. 1918—1960, С. 6.

⁴⁴ Система ИТЛ. Справочник, С. 105.

которыми осуществлялось через территориальные административные органы⁴⁵. Этот принцип централизованного управления главным образом сохранился и тогда, когда ГУЛАГ, после своего образования в составе ОГПУ, принял всестороннюю ответственность за лагерь⁴⁶, а также после его сливания в НКВД СССР в 1934 г. 8. мая 1935 г., правда, восемь (из тринадцати, существовавших в тот момент) лагерей были переведены из прямого подчинения ГУЛАГа в то отделов мест заключения (ОМЗ) территориальных органов НКВД. Следует отметить, что в этот момент в непосредственном ведении ГУЛАГа очевидно остались именно те лагеря, занятые наиболее значимыми народнохозяйственными проектами.⁴⁷ Такое отступление от принципа централизации, однако, продолжалось недолго: через чуть более двух лет, все без исключения исправительно-трудовые лагеря опять переподчинялись напрямую ГУЛАГу⁴⁸. Таковой ситуация, в общих чертах, осталась вплоть до 1940/1941 гг.

Для того, чтобы понять коренные изменения, наступившие в эти годы, необходимо указывать на другой, центральный принцип, который сложился в строении администрации лагерной системы с момента ее возникновения. Оно истекало из стандартной практики принятия политическим руководством СССР решений о реализации очередного экономического проекта посредством массового использования принудительного труда, которая заключалась в возложении такого проекта целиком на ОГПУ (с 1934 г.: на НКВД соответственно). В результате, последнему поручалась организация не только исправительно-трудового лагеря, но и совокупности всех производственных процессов и работ. Для выполнения второй, отчасти весьма требовательной, задачи, в составе ОГПУ при принятии первых крупнейших проектов в ранние 1930-е годы – когда новосозданный (Г)УЛАГ еще не обладал значительными кадровыми и техническими ресурсами – были созданы специальные управления, как Управление строительства (УС) Беломоро-балтийского пути ОГПУ и УС Байкало-амурской магистрали ОГПУ⁴⁹. В последующие годы, однако, ГУЛАГ сам стал занимать такое место – новые экономические задачи, принятые ОГПУ и, после 1934 г., НКВД, стали полностью возлагаться именно на него.⁵⁰ Как правило, это приводило к организации этих проектов по административной схеме, подобной той, которая изображенной в рисунке 2.

Рисунок 2

Упрощенная, типичная схема управления производственным объектам и обслуживающим его исправительно-трудовым лагерем ГУЛАГа НКВД (до реформы 1940/41 г.)

⁴⁵ См. ниже С. 31—33.

⁴⁶ С исключением Северо-восточного лагеря. См. сноску 54.

⁴⁷ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., 39.

⁴⁸ Приказ НКВД № 0128 от 21. октября 1937 г. Есть основания полагать, что это возвращение к централизованной управленческой структуре было обусловлено тем, что территориальные структуры НКВД показывались неспособными справиться с непременным процессом диверсификации экономических задач, поставленных перед лагерями. Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., 42.

⁴⁹ УС БАМа, правда, существовала уже в моменте передачи объекта в ОГПУ из ведения Народного Комиссариата Путей Сообщения. Система ИТЛ. Справочник, С. 154.

⁵⁰ См., к примеру, обстоятельства возложения на ГУЛАГ строительства Норильского комбината: Эртц С.: Строительство Норильского комбината с 1935 по 1938 гг.: становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа // Экономическая История. Ежегодник 2003, Москва 2003, С.???

В упрощенной форме, она показывает двойной характер большинства объектов, которые находились в ведении ГУЛАГа и для обслуживания которых были созданы исправительно-трудовые лагеря. С одной стороны, они представляли собой в полном смысле экономические проекты, а с другой, были либо тесно связанными с лагерем, либо включали в себя такой. Притом следует рассматривать вопрос о форме и степени разграничения лагеря от производства (или наоборот) отдельно в каждом индивидуальном случае. Отметим лишь, что точное формальное отделение в этом плане зачастую отсутствовало. К примеру, возможна была констелляция, когда формально существовал только лагерь, который одновременно представлял собой экономический объект. Именно такая ситуация наблюдалась во многих лесных, сельскохозяйственных или рыбных лагерях, которые занимались выпуском сравнительно гомогенной продукции, производство которой не требовало создания специфических административных структур в виде отдельного предприятия. Но даже в случае, когда формально существовали отдельные лагерной и производственной сектора на объекте, наличие единого начальства объекта, отвечающего как за производственные, так и за лагерные параметры, могло содействовать размыванию границы между этими двумя сферами.⁵¹ Иногда в таких случаях границы между производственным и лагерным секторами можно было определить, только на функциональном уровне,

⁵¹ Такая ситуация могла возникнуть и в более комплексных объектах. Так, первое руководство Норильского строительства и исправительно-трудового лагеря (1935—1938 гг.), вместо создания отдельных административных структур для обеих сфер, организовало «...так называемые “районы” со смешением производственных и лагерных функций...». ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 1118. Л. 6.

ибо начальства должно было отдельно отчитываться за разные сферы своей деятельности перед соответствующими отделами ГУЛАГа. При этом, всю экономическую деятельность объекта – которая включало в себя и результаты работы производства, и финансово-хозяйственную деятельность лагеря – курировали экономические, а все «лагерные» вопросы неэкономического характера⁵² – остальные отделы этого ведомства.⁵³

Таким образом, ГУЛАГу уже несколько лет после его создания подлежало не только контроль над выполнением растущим числом лагерей типичных «лагерных» функций, таких, как – по официальной линии советской политики – надежная изоляция заключенных от общества, а также их «перевоспитание» путем привлечения их к (принудительному) труду и проведения культурной и агитационной работе между ними,⁵⁴ но и управление множеством строительных, промышленных и прочих экономических объектов. Притом, количество и комплексность этих объектов заметно выросла за период 1930-х гг. В целях иллюстрации, совокупность важнейших функций ГУЛАГа по отношению к сети подчиненных ему исправительно-трудовых лагерей визуализирована, в

⁵² Под термином «лагерные вопросы» в делопроизводстве ГУЛАГа (а также здесь и в дальнейшем) подразумеваются, в основном, все вопросы в области оперативной работы лагеря, его снабжения, санитарного контроля, политической и «культурно-воспитательской работы», и состояния режима и охраны. Более того, к ним относились те централизованные функции как учет и распределение заключенных по всем лагерям и колониям, а также все вопросы кадров по отношению ко всем должностям в лагерном секторе.

⁵³ Некоторым исключением в этом плане являлся один из самых крупных экономических объектов НКВД, реализованный за счет труда заключенных – трест «Дальстрой». David Nordlander ошибается, когда характеризует Дальстрой как одну из субструктуру ГУЛАГа (См. David Nordlander: *Magadan and the Economic History of Dalstroi in the 1930s* // Gregory / Lazarev: *The Economics of Forced Labor*, С. 111). На самом деле, Дальстрой представлял собой трест с весьма своеобразным административным статусом. Создан в 1931 г. в непосредственном ведении СТО (Постановление СТО № 516 от 13. ноября 1931 г. – как Nordlander правильно излагает в другой работе: *Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s* // *Slavic Review*; Vol. 57, No. 4 (Winter, 1998); С. 791—821, здесь: С. 796) – он после упразднения последнего передавался СНК. НКВД же он формально подчинялся только весной 1938 г. (постановление СНК № 260 от 4. марта 1938 г.), хотя он уже до этого момента, соответственно письму НКВД, Ежова на имя Молотова, был «фактически подчинен Наркомвнуделу» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22. Д. 27. Л. 6). С 1938 г., Дальстрой находился в составе НКВД на началах главка. ГУЛАГу же он не подчинялся ни в какой момент.

Севвостлаг, который предоставлял объектам Дальстроя рабочую силу, и причем почти во весь период своего существования по численности заключенных являлся одним из крупнейших лагерных комплексов СССР, в определенные моменты содержащим до 200.000 заключенных, по линии хозяйственной деятельности тоже никогда не подчинялся ГУЛАГу, а напрямую Дальстрою (Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 38). По отношению к вопросам лагерного сектора, он подчинялся напрямую ОГПУ с момента его создания (1-е апреля 1932 г.), а после 1934 г. напрямую НКВД СССР. Только в 1938 г. он формально подчинялся ГУЛАГу – хотя все хозяйственные вопросы, по-прежнему, решались по линии Дальстроя и НКВД. Фактически, компетенции ГУЛАГа в плане лагерного сектора по отношению к этому ИТЛ всегда были ограничены. Так, ГУЛАГ «... кроме данных об общей численности заключенных ... никакой информации о состоянии дел в СВИТЛ [Северо-восточным исправительно-трудовой лагерь – прим. авт.] до 1939 г. не получал». К концу 1940-х гг., лагерные подразделения Севвостлага даже официально подчинялись тресту и по вопросам лагерного сектора (там же. С. 118—119).

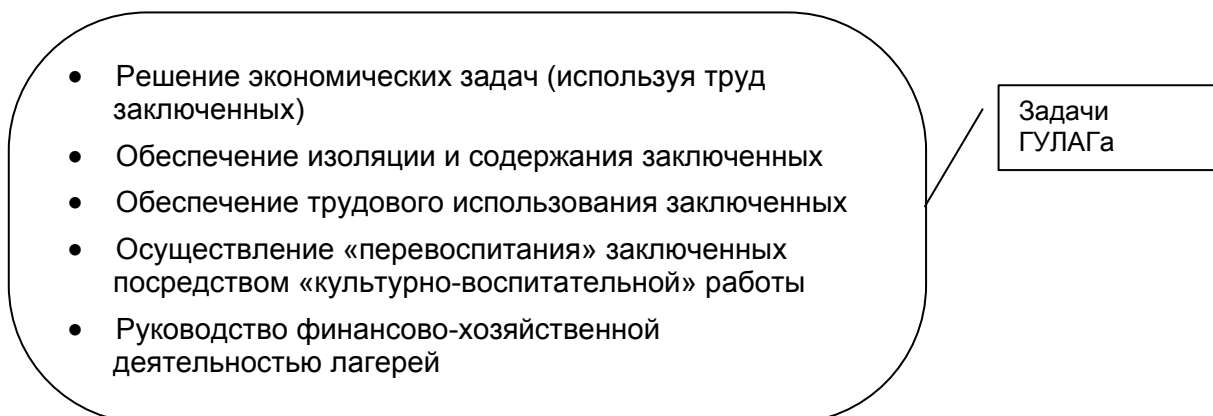
Безусловно, подробности этих взаимоотношений потребуют дальнейших исследований. Отметим лишь, что весьма показательно, что в сводных статистиках ГУЛАГа при приведении данных по всей лагерной системе нередко и в разные моменты встречаются двойные указания («все ИТЛ МВД» / «все ИТЛ включая Севвостлаг»). Подобных указаний больше нет по отношению ни к какому другому лагерю.

⁵⁴ См. „Исправительно-трудовой кодекс» РСФСР с 1 Августа 1933 г. (ГУЛАГ. 1918—1960, С. 73; «Положение об исправительно-трудовых лагерях» с 7 Апреля 1930 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 11а. Д. 594. Л. 11.)

схематической форме, и без установления порядком их перечисления какой-либо иерархии, в рисунке 3.

Рисунок 3

*Главные задачи и ответственности ГУЛАГа по отношению к своим
исправительно-трудовым лагерям (начало—конец 1930-х гг.)*

Неудивительно, что такое расширение сферы ответственности ГУЛАГа сопровождалось ростом административных структур внутри этого главка. Поскольку внутреннее организационное строение ГУЛАГа постоянно и существенно менялось в течение 1930-х гг., в рисунке 2 приводились, вместо перечисления конкретных отделов или управлений, наличных в определенный момент, лишь условные обозначения. Фактически, в этот период, наряду с устойчивым ростом лагерной системы как таковой, шел процесс всеобщей неперенной экспансии аппарата ГУЛАГа. Притом непропорционально росли и количество отделов, отвечающих за финансово-экономические вопросы, и число занятых в них сотрудников.⁵⁵ К примеру, ГУЛАГ в 1930-м г. обладал лишь (4-м.) Производственным отделением с 11-ми штатными сотрудниками, а также Плановой группой, состоящей из 7-и шт. сотрудников.⁵⁶ Весной 1937 г., в составе ГУЛАГа уже существовали следующие отделы, непосредственно занятые руководством производственной и финансовой деятельности лагерей и строителств ГУЛАГа⁵⁷: Учетно-плановая группа (67 штатных сотрудников), Дорожно-строительный отдел (37 шт. сотр.), Механический отдел (17 шт. сотр.), Горный отдел (21 шт. сотр.), Плановой отдел (28 шт. сотр.), Финансовый отдел (87 шт. сотр.) – а также следующие сектора: Сектор промышленных предприятий (20 шт. сотр.), Сектор гидротехнического строительства (14 шт. сотр.), Лесной сектор (11 шт. сотр.), Сектор сельского хозяйства (18 шт. сотр.), Сектор рыбного хозяйства (4 шт. сотр.), Сектор гражданского строительства (6 шт. сотр.).⁵⁸

2.2 Управление лагерями, начало 1940-х гг. – 1953. г.

Кульминационный, а одновременно и поворотный пункт этого процесса

⁵⁵ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 44.

⁵⁶ ГУЛАГ. 1918—1960, С. 225.

⁵⁷ Упущены при этом те отделы, занятые вопросами общего и специального снабжения.

⁵⁸ ГУЛАГ. 1918—1960, С. 243—248. Главными неэкономическими подразделениями ГУЛАГа к концу 1930-х / началу 1940-х гг. являлись: Управления военизированной охраны и режима, Оперативный, Политический, Санитарный и Административно-хозяйственный отделы, Отдел учета и распределения заключенных, Отдел кадров и Отдел общего снабжения. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 846. Л. 1.

раздувания ГУЛАГа наступил к концу 1930-х гг. С явной целью разгрузить существующие центральные отделы ГУЛАГа и найти способ более специализированного управления диверсификационным экономическим комплексом, который сложился в ведении ГУЛАГа до этого момента, в его составе начались создаваться специальные производственные управления, на которые была возложена вся ответственность за деятельность производственных и экономических объектов определенных отраслей, а также за материальное, оперативное и финансовое руководство принадлежащих к ним лагерям.⁵⁹ Формально эти новые структуры все еще представляли собой части главка – который в этот момент достигал громадных размеров, насчитывая, в начале 1940-го г., больше 2000-и штатных сотрудников. Однако, параллельно уже наблюдалась тенденция к постепенному распадению ведомства, ибо некоторые из начальников новых управлений отчитывались не только перед начальником ГУЛАГа, но и, по отношению к отдельным вопросам, непосредственно перед наркомом.⁶⁰ Действительно, создание этих производственных управлений стояло только в начале процесса коренного переустройства ГУЛАГа, который протягивался до 1941 г. Более радикальная практика, примененная с начала 1940-го г. по отношению к некоторым отделам или управлениям ГУЛАГа, занятым руководством производственными объектами, заключалась в их полном выделении из его состава, придавая им статус самостоятельных главков НКВД.⁶¹ Таким образом возникали Главное управление (с 26. февраля 1941: лагерей) железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР, которое основалось 4 января 1940 г. на базе отдела железнодорожного строительства ГУЛАГа и управления железнодорожного строительства НКВД на Дальнем Востоке⁶², а также Главное управление лагерей гидротехнического строительства (ГУЛГТС) НКВД СССР (создано 13 сентября 1940 г. на базе Гидротехнического отдела ГУЛАГа).⁶³

Следующим шагом на начатой пути можно считать переустройство ГУЛАГа, установленное приказом НКВД № 001019 от 19 августа 1940 г., соответственно которому большинство управлений и остальных производственных отделов пока еще оставалось в ГУЛАГе, но тем не менее переводились «на законченный самостоятельный баланс». Их начальники же получили «права начальника хозяйственного главка». Более того, ГУЛАГ терял свои Плановый и Финансовый отделы, а также отдел Труда и зарплаты и Главную бухгалтерию. Функции упраздненных подразделений были возложены на ЦПФО НКВД СССР, чей начальник одновременно стал заместителем начальника ГУЛАГа по вопросам организации труда и зарплаты, планирования, финансирования и бухгалтерской отчетности лагерей, колоний и производств.⁶⁴ Тем не менее, фундаментальный поворот действовавших до этого момента

⁵⁹ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 44—45.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Следует отметить, что модель, лежащая в основе такой конструкции, в некоторой мере уже была испытана значительно раньше. С 28. октября 1935 г., в составе НКВД существовало Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД СССР (с таким названием, правда, только с 4. марта 1936 г.). Оно представляло собой независимый от ГУЛАГа производственный главка, осуществляющий строительство автодорожных дорог, используя, главным образом, труд узников лагерей и колоний ГУЛАГа. Некоторая разница с производственными главками нового типа, однако, заключалась в том, что ГУШОСДОР еще не имел лагерей в своем собственном подчинении. Такие у этого главка впервые появились в первой половине 1940-х гг. См. Система ИТЛ. Справочник, С. 121—123.

⁶² Там же, С. 109—111.

⁶³ Там же, С. 107.

⁶⁴ ГУЛАГ. 1918—1960, С. 252—253.

принципов управления лагерной экономики совершался не мгновенным, а весьма постепенным образом, о чем свидетельствует, что даже в этот период все еще были созданы новые производственные управления в составе ГУЛАГа, к примеру управление горно-металлургических предприятий.⁶⁵ Конец такой организационной конструкции пришел только к моменту коренного переустройства самого НКВД. 26 февраля 1941 г. тот был разделен на два наркомата – НКГБ и НКВД, а новая структура, установленная для последнего, предусматривала превращение всех оставшихся до этого момента в составе ГУЛАГа производственных управлений в самостоятельные производственные главки в составе НКВД.⁶⁶ В результате, в ГУЛАГе осталось лишь одно подразделение, занятое производственными вопросами – Управление исправительно-трудовых колоний (включая в себя ряд специализированных отделов), которое, помимо своих прочих задач, руководило производственной деятельностью колоний,⁶⁷ а также отдельных лагерей, которые не были переданы производственным главкам, оставаясь во всестороннем подчинении ГУЛАГа. Однако, число последних было небольшим, и содержалась в них меньшая часть всех узников лагерей: На 2 сентября 1947 г., к примеру, в лагерях главков (включая Дальстрой) было размещено 858.627 заключенных, а в лагерях, оставшихся в ведении ГУЛАГа, только 183.500 человек.⁶⁸

Сразу после совершения структурного переустройства к началу 1941-го г. наблюдалась некоторая консолидация численности главков⁶⁹, в то время как в начале 1950-х гг. проявлялась, наоборот, тенденция к созданию дополнительных, отчасти очень мелких главков.⁷⁰ Однако, сама управленческая модель, претворенная в жизнь реструктуризацией 1940/41 гг., при этом больше не подвергалась существенным изменениям вплоть до 1953 г.⁷¹ Как уже выходит из сказанного, для нее было характерно перераспределение ролей и функций по отношению к подведомственным новосозданным производственным главкам⁷² лагерям. Результирующая схема административных взаимоотношений

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Таким образом были созданы: 26 февраля 1941 г.: Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД СССР, Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) НКВД, Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой, ГУЛПС) НКВД, Управление топливной промышленности НКВД (УТП), 14. мая 1941 г.: Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии (УЛСПЧМ) НКВД. См. Система ИТЛ. Справочник, С. 108, 111, 113, 126, 127.

⁶⁷ См. Лекция начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР от 5 октября 1945 г. (ГУЛАГ. 1918—1960, С. 303—304). См. также ниже, сноска 116. После некоторой реорганизации аппарата ГУЛАГа в апреле 1947 это управление было переименовано в 4-е или производственное управление. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 374. Л. 19—21.

⁶⁸ Акт приема — сдачи ГУЛАГа МВД СССР. См. ГУЛАГ. 1918—1960, С. 318.

⁶⁹ Так, УЛСПЧМ и новосозданное 26 февраля 1941 г. Управление топливной промышленности (УТП) НКВД вскоре вошли в состав ГУЛГМП НКВД, а в октябре 1941 г. ГУЛГТС НКВД был передан в ведение Главпромстроя НКВД. Система ИТЛ. Справочник, С. 107, 126—127.

⁷⁰ Там же. С. 100—127.

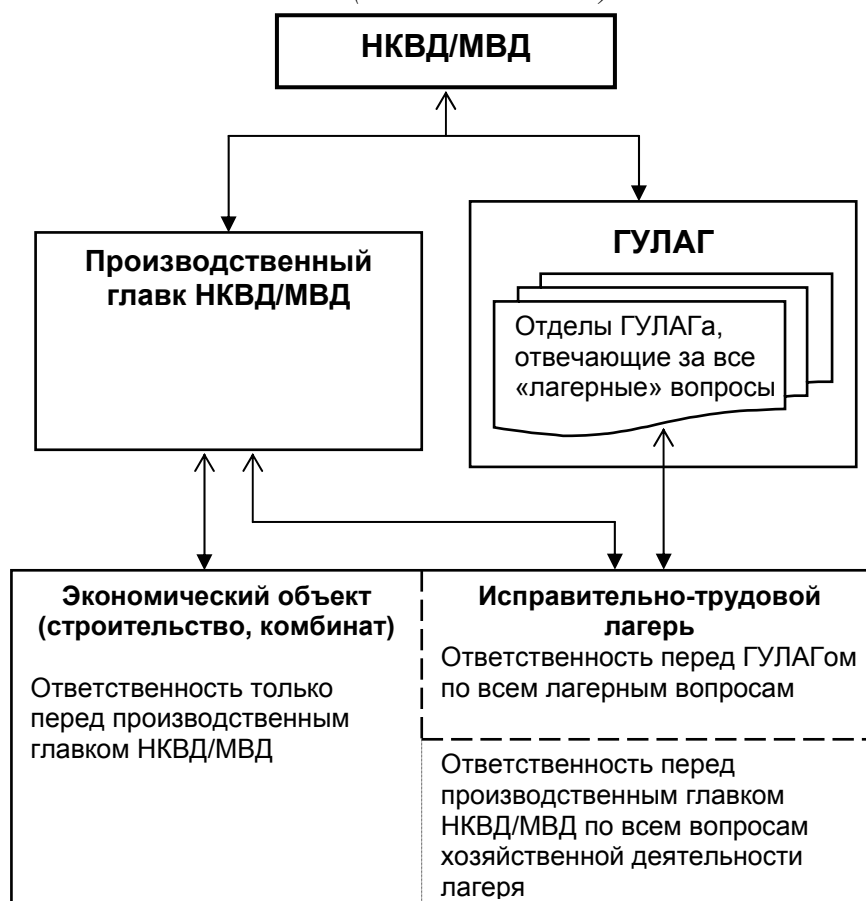
⁷¹ Так, она не коснулась введением в некоторых лагерях специальных подразделений «каторжного режима» вследствие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., введением специальных подразделений строгого режима соответственно приказу МВД № 001516 от 31 декабря 1948г., а также созданием института Особых лагерей (Приказ МВД № 00219 от 28 февраля 1948 г., см. ГУЛАГ. 1918—1960, С. 135—137). Все эти по сути своей значимые новшества внедрялись в рамках существующей в тот период организационной структуры лагерно-производственного комплекса.

⁷² В целях упрощения, эти специальные производственные лагерные главные управления НКВД(МВД) в тексте обозначаются лишь термином «производственные главки».

представлена, опять-таки в упрощенной форме, в рисунке 4.

Рисунок 4

Упрощенная, типичная схема управления производственным объектам и обслуживающим его исправительно-трудовым лагерем одного из производственных главков НКВД/МВД (1940/41—1953 гг.)

Как видно из нее, ГУЛАГ больше не носил никакой ответственности за развитие экономических проектов, подчиненных главкам. Эти предприятия или строительства полностью подчинялись производственным главкам, которые перед НКВД/МВД отвечали за всестороннюю организацию их работы, а также носили полную ответственность за выполнение или невыполнение ими производственной программы. Исправительно-трудовые лагеря также официально подчинялись главку, что отражалось в том, что их название, как правило, превращалось в «...лагерь ГЛАВКа НКВД» (до этого: «...лагерь ГУЛАГа НКВД»). Как и производственные объекты, лагеря также полностью подчинялись главкам в финансово-экономическом плане. Следовательно, в сводной финансовой отчетности ГУЛАГа эти лагеря за весь период существования производственных главков отсутствуют.

Все это, однако, не означало, что все связи между ГУЛАГом и этими лагерями прервались, и интерпретация, что главки с тех пор «фактически обеспечивали *всестороннее* оперативное управление подведомственными лагерями» – некоторое заблуждение.⁷³ Фактическое распределение компетенций между ГУЛАГом и производственными главками по отношению к администрации

⁷³ Так считают Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 46. Выделение в цитате произведено автором.

подчиненных последним лагерей можно реконструировать на базе обилия делопроизводственных документов из ежедневной работы этих ведомств. В целях иллюстрации, рассматриваем лишь несколько наглядных примеров из тех областей, в которых ГУЛАГ по-прежнему принимал решения и контролировал их выполнение и в лагерях производственных главков.

Одним из полей ответственности ГУЛАГа по-прежнему являлись вопросы снабжения всех лагерей. Так, на совещании высших руководителей ГУЛАГа о задачах этого ведомства на второе полугодие 1945 г, состоящем 28 июня 1945 г., начальник Управления снабжения ГУЛАГа А.А.Усиевич изложил, что своему отделу в переговорах с Госпланом удалось добиться оставления некоторых ключевых абсолютных норм по снабжению продовольственными продуктами на прежнем уровне.⁷⁴ В ситуации существенного сокращения общего контингента заключенных во второй половине 1945 г. (вследствие амнистии 1945 г.),⁷⁵ это дала ГУЛАГу, как отметил его начальник, Наседкин, возможность улучшить общие нормы снабжения на одного заключенного, как, например, «...повысить [ежедневную] норму хлеба на 150 грамм [от 650 до 800 граммов – прим. авт.] и на 40 грамм повышение пайка по крупам». В этой связи он также подчеркнул, что «...плюс к этому наши подсобные хозяйства готовили на полный контингент – на 1,5 миллиона человек, сейчас мы будем иметь сумму на 1 миллион человек.» – что однозначно подтверждает ответственность ГУЛАГа за снабжение исключительно всех исправительно-трудовых лагерях и колониях.⁷⁶

Поднятие на том же совещании многих других фундаментальных вопросов работы ГУЛАГа позволяет аналогичным способом идентифицировать компетенции ГУЛАГа и в других областях. К ним относились вопросы режима и содержания заключенных, включая управление и контроль над военизированной охраной, а также все аспекты обустройства и бытовых условий во всех лагерях и колониях.⁷⁷ Важным инструментом для осуществления контроля над оперативной работой лагерей также являлись политические отделы на местах, которые исключительно докладывали Политотделу ГУЛАГа. Видимо, ГУЛАГ в отдельных случаях через свои политотделы даже пытался оказывать влияние на экономическую стратегию лагерей производственных главков: на данном совещании, начальник Политотдела ГУЛАГа, Буланов, отметил, что начальник Ухтоижемского ИТЛ Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД, С.Н. Бурдаков, за последнее время «...свертывает подсобное хозяйство», добавив, что «По линии Политотдела мы ориентируем людей, чтобы такие тенденции получили отпор.»⁷⁸

Наконец, при рассмотрении протокола данного совещания бросается в глаза, что в ходе обсуждений этих тематических комплексов, руководители ГУЛАГа в своих выступлениях повторно обзывали все исправительно-трудовые лагеря, несмотря на их статус подчинения, «нашими»⁷⁹ – что рефлекирует, что

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л.159—160.

⁷⁵ См. *Рисунок 1*. в данной статье.

⁷⁶ См. там же.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л.161об, 175 об., 181об.—182. В указанных пассажах частично имеются эксплицитные ссылки на лагеря, подведомственные производственным главкам – такие как Тагильский ИТЛ (подчинялся ГУЛПС – см. Система ИТЛ. Справочник, С. 473), Воркутинский ИТЛ (подчинялся ГУЛГМП – см. Система ИТЛ. Справочник, С. 192), или Строительство 108 и ИТЛ (подчинялся ГУЛЖДС – см. Система ИТЛ. Справочник, С. 411).

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л.180. Из контекста следует, что руководство ГУЛАГа опасалось, что подобное развитие могло усложнять вопросы снабжения лагерей всеми необходимыми продуктами.

⁷⁹ См., к примеру, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 161, 171 об., 182.

степень влияния и ответственности ГУЛАГа в области регулирования «лагерных» вопросов была одинаковой по отношению как к лагерям ГУЛАГа, так и к лагерям производственных главков.

Другой комплекс задач, решение которых подлежало исключительно ГУЛАГу по отношению ко всем лагерям и колониям, состоял в их санитарном состоянии – о чем наглядно свидетельствует отдельный эпизод из 1945 г.: 22 мая начальник Главпромстроя – одного из производственных главков НКВД –, А.Н.Комаровский, издал приказ № 0140 по премированию работников санитарного отдела исправительно-трудового лагеря при Закавказском металлургическом строительстве НКВД. Через месяц, он получил письмо от начальника ГУЛАГа, который – что само по себе примечательно – отвергнул действие своего коллеги ввиду того, что данный лагерь, по его словам, в начале 1945 г. «буквально находился в катастрофическом состоянии», и в плане смертности в тот период был «одним из худших в Советском Союзе», так что «ни о каком поощрении такой большой группы медработников не может быть и речи». Но Наседкин не ограничивался тем, что критиковать само действие Комаровского как необоснованное и нецелесообразное. С нескрываемым негодованием он еще и напоминал его о том, что тот своим поступком вмешался в четко ограниченную сферу ответственности ГУЛАГа: «Кроме того, прошу на будущее учесть, что большинство работников, перечисленных в Вашем приказе, являются номенклатурными работниками ГУЛАГа и без ведома ГУЛАГа Вы могли их ни поощрять, ни наказывать. Издание Вами таких приказов являлось-бы [*sic!*] равносильным тому, если бы я поехал на тот же Закавказский металлургический комбинат и своим приказом объявил благодарности и поощрения инженерно-техническому персоналу и работникам производственного сектора, в то время как я на это не имею прав, так-же [*sic!*] как и Вы в отношении работников лагерного сектора. (...) Прошу учесть, что в будущем я вынужден буду такие приказы Главпромстроя опротестовывать перед руководством НКВД и ставить вопрос об их отмене как незаконных и по существу неправильных». Наседкин окончил свое письмо сообщением, что руководство данного лагеря от ГУЛАГа получил указание считать приказ Комаровского недействительным, так же как и сами поощрения данных работников. Данный документ не только в лишний раз и в самой яркой форме иллюстрирует фактическое разделение между компетенциями за лагерные и производственные задачи на уровне производственных главков и ГУЛАГа, но и выявляет решительность, с которой последний настаивал на его реализации.

Таким образом, документация реальной ведомственной работы полностью подтверждает распределение административных задач между ГУЛАГом и производственными главками, зафиксированное в «Положении о Главном управлении исправительно-трудовыми лагерями и колониями МВД СССР» – которое, правда, объявлялось не ранее 15 июля 1949 г.:⁸⁰

- «3. Главное управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями руководит:
- а) подбором руководящих, офицерских и вольнонаемных кадров лагерного сектора для исправительно-трудовых лагерей и колоний, их назначением и освобождением;
 - б) политической работой среди офицерского и вольнонаемного состава исправительно-трудовых лагерей и колоний;

⁸⁰ До 1949 г. никакого подобного документа вообще не было. Однако, приведенная выше информация свидетельствует о том, что основные правила, фиксированные в нем, не представляли собой ничего нового, а всего лишь подтверждение статус-кво.

в) деятельностью **всех**⁸¹ исправительно-трудовых лагерей, колоний и пересыльных тюрем по вопросам охраны, режима содержания, учета заключенных, оперативной работы, культурно-воспитательной работы среди заключенных;

г) производственно-хозяйственной деятельностью исправительно-трудовых колоний, а также исправительно-трудовых лагерей, непосредственно подчиненных ГУЛАГУ в производственном отношении;

[...]

4. ГУЛАГ МВД СССР контролирует:

а) законность содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях;

б) выполнение приказов и инструкций МВД СССР по режиму содержания, охране, учету, трудовому использованию заключенных и другим вопросам деятельности исправительно-трудовых лагерей и колоний.

5. ГУЛАГ МВД СССР поддерживает постоянную связь с Главными производственными лагерными управлениями МВД СССР и осуществляет, в соответствии с требованиями закона, приказами и инструкциями МВД СССР, контроль за их деятельностью в области обеспечения в исправительно-трудовых лагерях для заключенных необходимых режимных и жилищно-бытовых условий, правильного их трудового использования с учетом физического состояния и мероприятиями по массовому производственному обучению заключенных.»⁸²

Этот документ показывает, что за ГУЛАГом по отношению к практически всем вопросам, касающимся оперативной деятельности исправительно-трудовых лагерей, оставалась ответственность по лагерям производственных главков. Более того, специально подчеркивается контрольная функция ГУЛАГа по отношению к материальным условиям жизни заключенных. Соответственно, зам. начальника ГУЛАГа Буланов характеризовал обстановку в письме на имя МВД Круглова от 10 ноября 1949 г. следующим образом: «В данное время руководство лагерями двойное: ГУЛАГ^а и соответствующего производственного Главка. Это объяснимо, поскольку сложность и объем производственных задач не позволяют сосредоточить в одном месте руководства ими ... При этом, все главные лагерные вопросы фактически сосредотачивались в одном месте, именно в ГУЛАГ^е.»⁸³

Однако, в картину, соответственно которой ГУЛАГ отвечал за все лагерные вопросы, а производственные главки осуществляли руководство подчиненными ими лагерями и связанными экономическими объектами в плане их финансово-экономической деятельности, следует внести некоторый корректив: не учтена в ней проблема трудового использования заключенных, которая, естественно, была связана с общими экономическими результатами эксплуатации принудительного труда. Основная цель в этой области предопределялась самым характером института исправительно-трудовых лагерей и заключалась в обеспечении высокого уровня трудового использования заключенных в продуктивных секторах, для чего по лагерям и колониям индивидуально устанавливались специальные плановые цифры. Однако, насколько эти нормы на уровне отдельного объекта действительно были достигнуты, определялось многими разнообразными факторами, за которые отчасти отвечала администрация лагеря, отчасти руководство производственного сектора: цели максимального трудового использования всех заключенных могла быть разрушена как по вине производственного сектора вследствие непредоставления работы, так и по вине лагерных структур – к примеру из-за недостаточного

⁸¹ Выделение жирным шрифтом – произведено автором.

⁸² ГУЛАГ. 1918—1960, С. 142—143.

⁸³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 100. Л. 94.

наличия вещевого довольствия у заключенных, из-за допущения большого количества отказов, из-за высокой доли больных, или из-за чрезмерного использования заключенных на внутрилагерных работах. Притом нередко наблюдалось скопление нескольких подобных факторов, как показывает приказ начальника управления Сахалинского лагеря ГУЛЖДС МВД от 23 января 1950 г.: «Если в 1-м квартале истекшего года потери рабочего времени явились результатом отсутствия проектов, необустроенности лагеря, недостатка материалов и инструментов [за что отвечал, главным образом, производственный сектор – *прим. авт.*], то потери в последующих кварталах возникали, главным образом, по зависящим от лагеря причинам: недовыставление (!) конвоя, большого числа отказов, невывода из-за несвоевременного завоза на лагерные пункты обмундирования для заключенных и т.д.»⁸⁴

Таким образом, выполнение цели «правильного» трудового использования контингентов лагерей зависело также от работы лагерного сектора, который подчинялся ГУЛАГу, так что последний автоматически оказался вовлеченным в эту проблематику. Однако, помимо ответственности за нее, которую он разделял с производственными главками, ГУЛАГ также, как отмечено в вышеуказанном положении, один выполнял общую контрольную функцию над практикой трудового использования заключенных во всех лагерях и колониях. В этой связи, именно ГУЛАГ составлял подробнейшие статистики по данной проблеме, например по распределению заключенных по сферам работ⁸⁵, или по степени использования квалифицированных узников по их специальности⁸⁶. На такого рода информацию ГУЛАГ мог ссылаться в своих анализах обстановки, которые он предоставлял руководству наркомата / министерства – причем зачастую не скупясь на критику в направлении производственных главков.⁸⁷ С другой стороны, бывали случаи, когда ГУЛАГ и производственные главки совместно проявляли инициативы с целью улучшения трудового использования заключенных⁸⁸, или лоббировали перед вышестоящими инстанциями общие цели – к примеру, по поводу введения более эффективных стимулов для лучшей мотивации труда заключенных.⁸⁹ На фоне этих соображений, схему распределения основных задач между ГУЛАГом и производственными главками следует характеризовать следующим образом:

Рисунок 5.

Главные задачи и ответственности ГУЛАГа и производственных главков НКВД(МВД) по отношению к исправительно-трудовым лагерям, формально подчиненных последним (1940/41—1953 гг.)

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 148. Л. 107.

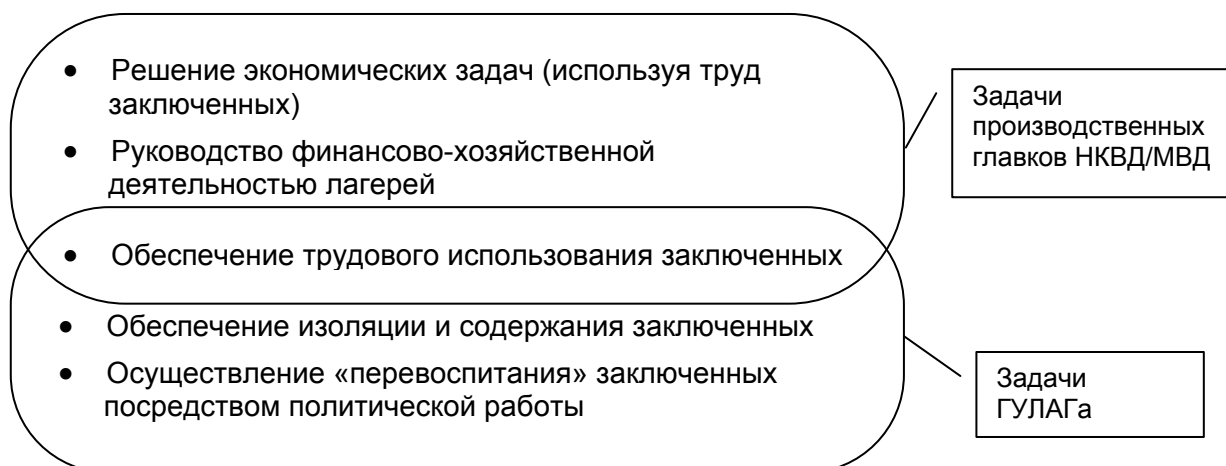
⁸⁵ См., к примеру, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 502. Подробные статистики: Там же. Д. 1175, 1178, 1191, 1198, 1211, 1214, 1235, 1238, 1255, 1258, 1286, 1289.

⁸⁶ Для подробных статистик см., к примеру, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155, 1218, 1260, 1293.

⁸⁷ Так, в докладной записке министру Внутренних Дел Круглову, подписанной начальником ГУЛАГа, Долгих, от 25 мая 1951 г. находится следующая оценка: «... начальники исправительно-трудовых лагерей и строителей МВД, а также руководство Главных Управлений МВД СССР неудовлетворительно занимаются организацией трудового использования заключенных, не ведут решительной борьбы за рациональное использование рабочей силы, плохо анализируют причины столь огромных потерь трудового фонда и не обеспечивают устранения недочетов в этих вопросах» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 150. Л. 25.). Показательно, что начальники этих главков, получив копии этого документа, спешили развить и предложить мероприятия для улучшения приведенных в материалах ГУЛАГа недостатков в своей работе. (Там же. Л. 29—33).

⁸⁸ См., к примеру, совместный приказ начальников ГУЛАГа и ГУЛЛП из февраля 1949: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 49—53.

⁸⁹ См. Leonid Borodkin, Simon Ertz Compensation versus Coercion: Wages and Bonuses in the Gulag

Как изображено в рисунке 5, ГУЛАГ по отношению к массе исправительно-трудовых лагерей с начала 1940-х гг. был лишен своей руководящей функции только относительно их производственной и хозяйственной деятельности. Помимо ответственности за все специфические «лагерные» вопросы, он также сохранил контроль над организацией трудового использования заключенных во всех лагерях.

Одна из центральных проблем административной и функциональной конструкций, изображенных в рисунках 5 и 6, заключалась в том, что она вплоть до начала 1953 гг. зачастую не полностью репродуцировалась на более низком административном уровне. К примеру, в то время как в центральном аппарате НКВД/МВД ответственность за обеспечение трудового использования заключенных было возложено как на производственные главки, так и на ГУЛАГ, который при этом еще и выполнял контрольную функцию в этой области, комиссия МВД летом 1952 г. подвергала критикой структуру лагерных администраций, «...при которой нет организации и лиц, непосредственно и конкретно отвечающих за организацию трудового использования заключенных.»⁹⁰ Предложенное комиссией решение этой проблемы – опытное соединение в администрациях строителей и лагерей компетенций за производственные и лагерные проблемы – однако, вряд ли могло казаться многообещающим – по той простой причине, что подобная практика уже была широко распространена во многих лагерях, как вытекает из реакции руководства ГУЛАГа: «Указанное мероприятие ... ничего нового не вносит, так как существующая в настоящее время система ... именно соответствует рекомендуемому принципу. Как правило, на стройках ГУЖДС, в лесных лагерях, ГУЛГМП, гидросооружений и Главспецнефтестроя начальники строительных районов являются одновременно и начальниками лагерных подразделений»⁹¹. И даже если такая обстановка не во всех лагерях преобладала и в средних административных звеньях, то весьма распространена была схема, соответственно которой руководитель всего строительства или предприятия и начальник соответствующего лагеря являлись одним и тем же лицом. Это обстоятельство, в связи с описанной выше смешанности на экономическом плане, вследствие которой лагерь являлся лишь одним из хозяйственных секторов предприятия, которому он, следовательно, был подчинен в финансовом плане, явно противостояло цели четкого разделения между лагерем и предприятием в объектах НКВД/МВД. В какой степени такая констелляция – различия между

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 510. Л. 98.

⁹¹ Там же. Л. 2.

принципами строения центрального административного аппарата, с одной стороны, и управляемых им конкретных объектов, с другой – может служить объясняющим факторам при рассмотрении потенциальных конфликтов, будет еще обсуждено ниже.

2.3 Управление лагерями после 1953. г.

Как было отмечено выше, кардинальные изменения описанная управленческая система, охватывавшая основную массу исправительно-трудовых лагерей, потерпела не раньше, чем в 1953 г. Непосредственная каузальная связь между смертью диктатора и окончательной ликвидации той лагерной системы, сложившейся в период его господства, бесспорна. Так, лишь три недели после 5-го марта был издан указ Президиума Верховного Совета «Об амнистии», который привел к освобождению больше половины всех заключенных из лагерей и колоний МВД.⁹² Масштабный пересмотр дел политических заключенных, осужденных по 58-й статье УК, начался в 1954 г.⁹³, и в силу их постепенного освобождения, доля этого контингента узников в общем числе всех заключенных снизилась с 33,0% до 1,2% до 1959 г.⁹⁴ Параллельно с массовым уходом узников совершалось разложение самой лагерной системы. Также еще в марте 1953 г., ряд крупных строительных объектов в ведении МВД был мгновенно остановлен.⁹⁵ Размер оставшихся исправительно-трудовых лагерей до конца 1950-х гг. сильно сокращался – начиная с упразднения самых нерентабельных и плохо оборудованных подразделений⁹⁶ – но и ликвидация самих лагерей не дала себя долго ждать.

Тем не менее, задолго до окончательного исчезновения лагерной системы, и моментально после смерти Сталина проводилась фундаментальная реорганизация ее управленческой системы. МВД, в составе которого за прошедшие более десяти лет накопилась масса производственных лагерных главков и управлений, освободился от своей роли крупного производственного министерства с разнообразными экономическими функциями. Все его производственные лагерные главки были ликвидированы, причем их доля ответственности за подчиненные ими лагеря была возложена на ГУЛАГ, который, в свою очередь, из состава МВД был передан в ведение Министра Юстиции⁹⁷, а их производственные объекты передавались, как правило, в ведение других, гражданских министерств.⁹⁸ В итоге, административная схема лагерно-производственного комплекса существенно изменилась, как видно из рисунка 6.

Рисунок 6

Упрощенная, схема управления производственным объектам и обслуживающими его исправительно-трудовыми лагерями после упразднения производственных главков МВД (с 1953 г.)

⁹² Aleksei Tikhonov: The End of the Gulag // Gregory / Lazarev: The Economics of Forced Labor, С. 67. См. также выше, рисунок 1, и ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 505.

⁹³ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 60.

⁹⁴ Земсков: ГУЛАГ // Соц. исс., №7/1991. С. 14.

⁹⁵ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 57.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 135. Л. 85.

⁹⁷ Постановление № 832—370сс Совета Министров СССР от 18 марта 1953 г. В январе 1954 г., однако, ГУЛАГ опять был возвращен в состав МВД.

⁹⁸ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 58.

В результате этой реорганизации стояло четкое разделение лагерей и производственных объектов. Лагеря и обслуживаемые ими производства впредь обладали своими начальниками и руководствами с четко определенными компетенциями и принадлежали к двум административным структурам, которые до уровня министерств были независимы друг от друга. Функциональные отношения между лагерями и производствами главным образом сохранялись, но теперь регулировались двусторонними договорами, устанавливающими подробности взаимных обязательств. Основой этих индивидуальных договоров являлся типовый договор, утвержденный Министром юстиции в апреле 1953 г.⁹⁹ Соответственно этому документу, хозяйственные органы обязывались экстенсивно использовать рабочую силу заключенных, обеспечивая трудовое использование «...не менее 80% от списочного состава рабочей силы колонии (лагпункта)», причем исключительно на полностью оборудованных, изолированных и охранных рабочих местах.¹⁰⁰ Обе стороны обязывались принимать меры по поднятию производительности труда узников; колония (лагерный пункт) путем обеспечения «трудовой дисциплины» среди рабочих,

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 3, 5—18. Практика заключения подобных договоров сам по себе не представлялась совершенным новшеством. Именно по этому принципу организовывалось трудовое использование заключенных, предоставленных в сторону «контрагентскими» колониями и лагерями ГУЛАГа за все предыдущие годы. В большинстве случаев, он применялся в колониях малого размера, которые сами не организовывали никакой производственной деятельности (См. сноску 30). Абсолютная доля заключенных таких «контрагентских» лагерных подразделений, занятых не в экономических проектах НКВД/МВД, а в гражданских предприятиях, за период с 1941 по 1953 г. колебалась между 10 и 20% от общей численности всех заключенных лагерей и колония (Gregory: An Introduction to the Economics of the Gulag, С. 13). Реформа 1953 г. приводила к тому, что заключенные почти всех лагерей были переведены на такой же статус, поскольку большинство экономических активностей ликвидированных главков, как уже отмечалось, передано гражданским министерствам.

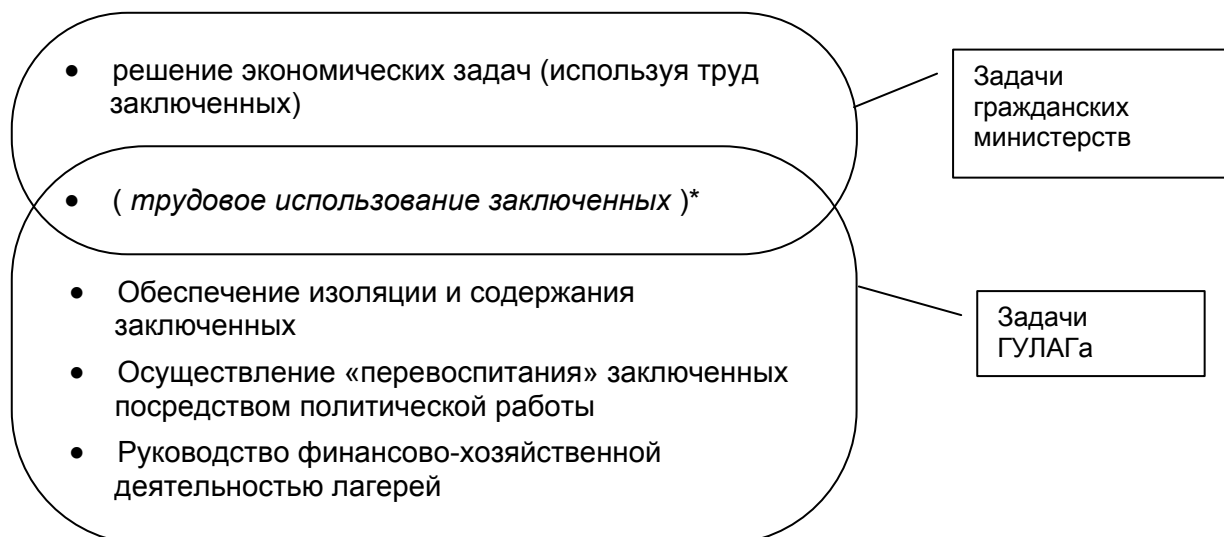
¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 5, 6.

хозяйственный орган, между прочим, путем повышения их квалификации.¹⁰¹ Расчеты по оплате выполненных заключенными работ хозорган производил непосредственно с данным лагерем или же колонией.¹⁰²

Роль ГУЛАГа в этой модели заключалась во всестороннем руководстве работой лагерей, включая их финансово-хозяйственной деятельности. Взамен, он больше не был вовлечен в организацию производства, в котором труд узников лагерей использовался; эта функция перешла на производственные министерства по отраслевому признаку. Такая констелляция фундаментально отличалась от предыдущей, когда ГУЛАГ и производственные главки со своими разными задачами управляли лагерно-производственными комплексами фактически смешанного характера. Следовательно, распределение задач между ГУЛАГом и гражданским министерствам в отношении тех экономических объектов и лагерей, которые были расчленены в изложенном порядке, приняло новые формы, как отражено в рисунке 7.

Рисунок 7

Главные задачи и ответственности ГУЛАГа и производственных министерств по отношению к исправительно-трудовым лагерям бывших производственных главков (с 1953 г.)

* Порядок распределения компетенций и обязательств фиксирован в договоре.

Так как в области пересечений компетенций в этой схеме – в плане регулирования трудового использования заключенных – соответствующие обязанности обеих сторон четко определялись двусторонним договором, теоретически проблемы в определении ответственных за отдельные вопросы лиц и структур, подобные тем, отмеченным руководством МВД еще по отношению к

¹⁰¹ Там же. Л. 9.

¹⁰² Там же. Л. 13. Причем было установлено, что «... колония (лагпункт) должна получить от хозоргана столько, сколько было бы выплачено заработной платы вольнонаемным работникам, если бы они выполняли данную работу» (Л. 12 – этот пункт являлся стандартным в договорах между колониями и хозяйственными органами по крайней мере с ноября 1946 г. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 150. Л. 91). В добавку, хозяйственный орган обязывался выплатить колонии или лагерному пункту для покрытия прочих расходов «на всю сумму заработной платы ... включая все виды платежей, ... процентные начисления: на строительстве – в размере 19%; на эксплуатационных работах – в размере 30%» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 17), далее: «... предоставить все необходимое жилье, санитарные и другие помещения для размещения и обслуживания рабочей силы колонии (лагпункта), ... и оборудовать эти помещения...», а также «... снабжать бесплатно подразделения охраны инвентарем и оборудованием...» (Л. 14).

старой управленческой системе¹⁰³, больше не должны были бы проявляться. Однако разумеется, что, на практике, несоблюдение своих обязанностей только одной из двух сторон могло вызвать новые проблемы.¹⁰⁴

Описанная структура представляла собой результат последней коренной реорганизации централизованной системы управления лагерной сети, которая включала в себя поистине новые моменты. В условиях повсеместного процесса сокращения лагерных контингентов, правда, она не везде оказалась долговечной: в течении второй половины 1950-х гг., отчасти наблюдались тенденции к возвращению к старой, действовавшей до 1953 г., системе. Такие, однако, проявлялись либо очень ненадолго,¹⁰⁵ либо в таких отраслях, где не существовали особо сложные производственные структуры.¹⁰⁶ Большинство же комплексных производственных и строительных объектов, которые были переданы гражданским министерствам в 1953 г., так и оставались в подчинении последних. В таких объектах, общее сокращение лагерного контингента, продолжающееся после 1953 г., как правило, компенсировалось за счет заменой заключенных работников вольнонаемными.

Другая тенденция, дающая себя знать во второй половине 1950-х гг., заключалась в передаче оставшихся исправительно-трудовых лагерей в ведение территориальных органов МВД – причем нередко с ликвидацией их управлений и расчленения их на отдельные лагерные подразделения. В результате, роль и значение центральных управленческих структур – прежде всего, самого учреждения ГУЛАГа, который уже с конца 1956 г. носил лишь название «Главное управление исправительно-трудовых колоний (ГУИТК) МВД»¹⁰⁷, постепенно редуцировались. Таким образом, параллельно с расставанием с исправительно-трудовыми лагерями как основной формы мест заключения, на смену централизованной системы управления ими постепенно приходили принципы, которые за предыдущие десятилетия определяли администрацию исправительно-трудовых колоний, и которые будут изложены в дальнейшем. Осталось лишь добавить, что последним шагом на этой пути являлся ликвидация бывшего

¹⁰³ См. выше С. 26 / сноска 90.

¹⁰⁴ Таковым, к примеру, представлялось положение в Норильском исправительно-трудовом лагере ГУЛАГа после 1953 г., как выходит из письма Министра внутренних дел, Круглова, на имя Министра металлургической промышленности, Тевосяна, от 4 февраля 1954 г. Приводя длинный список жалоб, он ставил Норильскому комбинату, недавно перешедшему в ведение ведомства Тевосяна, в вину, что он, вопреки своим договорным обязательствам, повторно не обеспечивал работой часть заключенных лагеря, не предоставлял личному составу лагеря достаточное количество квартир, не принимал меры для удовлетворительного размещения и бытового устройства заключенных, а также нарушал требования к обеспечению рабочих мест узников «надлежащей изоляцией». ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 730. Л. 294—298.

¹⁰⁵ В качестве примера можно указать на производственный лагерный главк МВД Главпромстрой, который в начале 1950-х, главным образом, был занят реализацией атомных проектов. 18. марта 1953 г., он был предан в ведение Министерства среднего машиностроения, а его лагеря подчинялись ГУЛАГу. 16. марта 1954 г., Главпромстрой был возвращен в МВД, а в начале 1955 г. ему подчинились – из-под сферы ответственности ГУЛАГа – 15 ИТЛ и три лагерных отделений. Однако, не прошло два месяца, пока лагеря, уже окончательно, возвращались в ведение ГУЛАГа, а сам Главпромстрой снова подчинялся Министерству среднего машиностроения. Система ИТЛ. Справочник, С. 114.

¹⁰⁶ Это особенно относится к лагерям, выполняющим лесозаготовительные работы: ГУЛЛП МВД, который тоже был ликвидирован в марте 1953 г., снова формировался в составе МВД в начале 1954 г. с восстановлением старого распределения ролей между ним и ГУЛАГом. В августе того же года, в ГУЛЛП сосредоточились все руководствующие функции, но в последующие годы ведомственная подчиненность многих «лесных» лагерей менялась еще несколько раз. См. Система ИТЛ. Справочник, С. 112.

¹⁰⁷ Приказ МВД № 500 от 27 октября 1956 г.

ГУЛАГа, и одновременно всего МВД СССР 13 января 1960 г.¹⁰⁸

2.4 Управление колониями, конец 1920-х – конец 1950-х. гг.

Изложить принципы управления исправительно-трудовыми колониями, которые вышеуказанным решением СНК в июле 1929 г.¹⁰⁹ были установлены как второй – рядом с сетью исправительно-трудовых лагерей – основной компонент системы мест заключения в СССР, относительно просто, ибо существенных перемен в этой сфере практически за весь период Сталинизма не наблюдалось.

Исправительно-трудовые колонии происходили из системы общих мест заключения 1920-х гг., которая, в свою очередь, восходила к системе, сложившейся в царской России. Децентрализованная традиция управления этими местами заключения пережила события 1917 и последующих лет¹¹⁰, причиняющие их временное опущение: во время и после возвращения этих мест заключения к функционированию на протяжении 1920-х и до начала 1930-х гг., они подчинялись республиканским Наркоматам внутренних дел (с октября 1922 г. по декабрь 1930 г.) и Наркоматам юстиции (с 1917 по октябрь 1922 г., и повторно с декабря 1930 по июль 1934 г.), которые осуществляли руководство ими посредством своих местных органов: сначала карательными отделами, а затем либо инспекциями, отделами, или управлениями мест заключения на губернском или областном уровнях.¹¹¹ После повторного возложения руководства колониями на республиканские наркоматы юстиции в 1930 г., в составе последних создались Главные управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ), а на областном или краевом уровнях – управления исправительно-трудовых учреждений (УИТУ).¹¹²

Этот территориальный принцип управления оставался в силе даже после ликвидации ГУИТУ 27-го октября 1934 г., в результате чего все их места заключения передавались в ведение (в тот момент уже находившегося в составе НКВД СССР) ГУЛАГа.¹¹³ Внутри ГУЛАГа немедленно после принятия колоний создавались специальные структуры для их администрации,¹¹⁴ однако практическое руководство их деятельностью было возложено на областные УНКВД (или НКВД автономных республик соответственно). Для этой цели, в этих территориальных органах, в свою очередь, создавались специфические административные подразделения, которые вначале, как правило, назывались «отделы мест заключения»¹¹⁵, поскольку они в тот период еще и отвечали за руководство тюрьмами. После выделения последних из-под их компетенций в начале 1939 г., им был присвоен либо статус «отдела (отделения) исправительно-трудовых колоний, исправительно-трудовых работ и трудпоселений» (ОИТК), либо «управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК)» –

¹⁰⁸ Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 60.

¹⁰⁹ См. выше С. 9.

¹¹⁰ Jakobson, Michael: *Origins of the GULAG. The Soviet Prison Camp System 1917—1934*, Lexington 1993

¹¹¹ См. для детального изложения административных отношений и их изменений в этот период: Джекобсон, Смирнов.

¹¹² См. Смирнов, Сигачев, Шкапов: Указ. соч., С. 36.

¹¹³ Там же. С. 37.

¹¹⁴ Сначала: Отдел мест заключения, затем отделение лагерей и мест заключения, с 19 августа 1940: управление исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений (ГУЛАГ. 1918—1960. С. 252.)

¹¹⁵ Подробнее о вариациях названий этих структур: см. Система ИТЛ. Справочник, С. 526.

последний тогда, когда в их подчинении постоянно или временно появлялись исправительно-трудовой лагерь или лагерное отделение.¹¹⁶ Каждое из этих отделений/управлений имело при себе немаленький аппарат¹¹⁷, который был построен по приблизительно тому же самому образцу, как и администрация исправительно-трудового лагеря.¹¹⁸

Такая структура администрации колоний, в общих чертах, оставалась неизменной вплоть до конца 1950-х гг., что означало, что она также оказывалась нетронутой возникновением новой формы управления лагерями – производственных лагерных главков. Функциональную управленческую схему, в которую исправительно-трудовые колонии были интегрированы за весь этот период, можно объяснить с помощью схем, приведенных для разъяснения этой проблемы по отношению к лагерям. Все колонии, которые имели при себе свое собственное производство, находились в положении, подобном того исправительно-трудовых лагерей центрального подчинения перед 1940 г., которое отражено в рисунке 2. Единственной существенной разницы являлось то обстоятельство, что колонии во всех планах управлялись ГУЛАГом не напрямую, а только через упомянутые ОМЗ, ОИТК или УИТЛК УНКВД(УМВД). Начальники этих ведомств перед ГУЛАГом отвечали за деятельность всех подчиненных им колоний примерно также, как и начальник крупного исправительно-трудового лагеря отвечал перед центром за деятельность совокупности всех подразделений, из которых составлял управляемый им лагерь. Через эти каналы, ГУЛАГ контролировал деятельность колоний во всех областях, включая все лагерные вопросы, также как и их производственную и финансово-хозяйственную деятельность – как и выходит из цитированных выше абзацев «Положения о Главном управлении исправительно-трудовыми лагерями и колониями МВД СССР»¹¹⁹. Притом всеми «лагерными» вопросами в составе ГУЛАГа занимались, в основном, те же самые отделы и управления, которые их регулировали и по отношению к лагерям. Ответственность за экономические вопросы же носил упомянутый уже отдел исправительно-трудовых колоний, который затем переименовался в Управление исправительно-трудовых колоний, а в 1947 г., наконец, в Производственное управление.¹²⁰ Перед вышестоящими инстанциями, в частности: перед НКВД(МВД), ГУЛАГ отвечал за состояние и деятельность колоний во всех областях, что включало в себя ответственность за выполнение колониями всех производственных и финансовых планов.

Что же касается другую по экономическому принципу категорию колоний – «контрагентские» колонии, которые на договорной основе предоставляли рабочую силу своих заключенных другим ведомствам – то ситуация представлялась похожей на ту, в которой находились исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа после 1953 г., иллюстрированной в рисунке 6. В этом случае, колония также – опять-таки: через территориальные органы НКВД(МВД) – подчинялась ГУЛАГу в отношении всех видов ее деятельности, включая финансово-хозяйственные вопросы. Однако, ГУЛАГ не имел никакого влияния на хозяйственный орган, с которым колония вступала в контрактные отношения, и который организовал те работы, в которых использовался труд узников.

¹¹⁶ Руководство некоторыми исправительно-трудовыми лагерями, оставленными в подчинении ГУЛАГу и после 1940/41 гг., в разные периоды осуществлялось также по децентрализованному принципу через территориальные органы НКВД(МВД). См. Система ИТЛ. Справочник, С. 527)

¹¹⁷ См., к примеру, ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 510. Л. 69–73.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 502. Л. 200–201.

¹¹⁹ См. выше С. 23–24.

¹²⁰ См. выше С. 20.

Осталось добавить, что на аналогичных началах осуществлялся руководство теми лагерями, которые в разные периоды подчинялись ГУЛАГа, но непосредственно управлялись территориальными органами.

3. Роль и политика ГУЛАГа в управленческой системе лагерей

На фоне этих сведений можно предпринять попытку описать роль конкретных административных органов, выделяя при этом основные принципы, которые дают себя знать за изложенными выше административными структурами и их многочисленными изменениями. Не вопрос, что при этом в центре внимания должен стоять ГУЛАГ, который, как было показано, в любой момент за весь период Сталинизма занимал ключевую позицию в отношении управления и лагерями, и колониями. Поэтому напрашивается исходить именно из роли, который он играл в этой системе.

Как мы видели, в ГУЛАГе в 1930-е гг. были концентрированы практически все компетенции по отношению и к лагерям, и к колониям. Разделение совокупности его задач на те хозяйственного, и те лагерного характера существовало лишь на уровне его управлений и отделов. Следовательно, ГУЛАГ в целом преследовал комплексную стратегию, которое объединяла в себя экономические и неэкономические цели. Притом, ввиду значимости экономических задач, поставленных перед его объектами, достижение экономических целей приобретало возрастающее значение. Вследствие постоянного расщепления его экономических задач, сложность его внутреннего аппарата также росла, так что ГУЛАГ со временем принимал облик комплексного производственного главка, специализированного на реализацию требовательных хозяйственных проектов. Этот процесс продолжался до 1940/41 гг., когда были выделены из него самые значимые экономические компетенции – те за практически все объекты, которые обслуживались исправительно-трудовыми лагерями.

С этого момента, ситуация представлялась следующим образом: ГУЛАГу по-прежнему подчинялись все лагеря и колонии по «лагерным» вопросам, но он больше не руководил крупными хозяйственными объектами, в которых и впредь использовался труд основной массы узников исправительно-трудовых лагерей – и, следовательно, также больше не отвечал перед вышестоящими инстанциями за экономические результаты их работы (конкретно: за выполнение ими своих производственных программ). С другой стороны, за ГУЛАГом осталась ответственность за экономическую деятельность исправительно-трудовых колоний, а также отдельных лагерей, которые не передавались новосозданным главкам. Таким образом, ГУЛАГ по отношению последних все же сохранил функцию производственного главка – однако и приоритетность, и экономическое значение того экономического сектора, который оставался в его собственном подчинении, намного уступало значимости тех объектов, которые были передано из-под его ведения в новые производственные главки. Учитывая, сверх этого, намного менее выраженную, по сравнению с лагерями, экономическую функцию колоний, предполагается, что в результате административной реструктуризации 1940/41 гг., экономическая функция ГУЛАГ в целом значительно теряла значения.

Такая гипотеза, естественно, нуждается в дополнительной верификации. В этой цели, мы опять обратимся к представительным документам, вскрывающим основы фактической политики, которую ГУЛАГ преследовал в том новом

положении, в котором он оказался после 1940/41 гг. При этом, однако, мы будем обходить чрезвычайную ситуацию военных лет, в которые лагерная система потряслась в подобной степени, нежели другие секторы общества и народного хозяйства.¹²¹ Поэтому можно исходить из того, что система начала функционировать при «нормальных условиях» не ранее, чем в 1945 г. Как раз из этого года в нашем распоряжении имеется весьма содержательный документ – указанный уже в другом контексте протокол «совещани[я] при начальнике ГУЛАГа НКВД СССР ... Наседкине об очередных задачах ГУЛАГа на 2-е полугодие 1945 г.»¹²², состоящем 28 июня 1945 г. в ситуации, ознаменованной значительным сокращением контингента заключенных в результате амнистии 1945 г., которое, в глазах руководства ГУЛАГа, должно было еще увеличивать ожидаемый эффект всеобщей нормализации предпосылок для работы лагерей и колоний в наступившем мирном времени. В этом документе на 52-и страницах фиксированы высказывания представителей (начальников или зам. начальников) основных отделов и управлений ГУЛАГа по поводу основных целей, которые они намечали достигать в своих сферах ответственности, и о тех основных мероприятиях, проведение которых в этой связи планировалось.

Анализ всех этих докладов показывает, что совокупность планов, которые каждый из этих начальников отделов и управлений выдвигал, обещала способствовать при их реализации достижения лучших результатов в плане именно тех задач, которые выше отмечены как фундаментальные обязанности ГУЛАГа по поводу исправительно-трудовых лагерей (см. рисунок 5). ГУЛАГ прежде всего преследовал политику «наведения порядка» в лагерях – в отношении описанных выше «лагерных» вопросов. В центре внимания притом однозначно стояли вопросы содержания заключенных, в то время как вопросы их трудового использования, их изоляции и их перевоспитания играли также некоторую роль.

Красноречивым примером тому является доклад начальника Санитарного отдела Лойдина, который рекомендовал «предъявить лагерям такое требование, чтобы [они] были никак не ниже того состояния, в котором они были [до войны – прим. авт.], чтобы они были образцовыми». Далее, он излагает, что он под этим подразумевает: «Мне думается, что опыт такого лагеря, как Тагилстрой, который имеет прекрасные общежития, бани и прачечные, чтобы этот опыт обобщить»¹²³. В такое же «образцовое» состояние он предложил привести оздоровительные пункты и команды, а также «объекты пищевого блока» в лагерях. Примечательно,

¹²¹ Необычайность ситуации системы лагерей и колонии в целом в течение военных лет обуславливалась, между прочим, такими факторами, как эвакуацией около 750.000-и заключенных из сотен западных мест заключения, резким сокращением контингентов впоследствии передачи сотен тысяч узников в Красную Армию, а также катастрофического подъема показателей заболеваемости и смертности среди заключенных, что, в свою очередь, было связано с глубоким кризисом снабжения. Более того, разумеется, что вся производственная деятельность в лагерной системе, как и во всех секторах промышленности страны, максимально интенсифицировалась с направлением на военные цели. См. доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» от 17 августа 1944 г., ГУЛАГ. 1918—1960, С. 272—296. / Новая и новейшая история, № 5 / 1996; См. также ГУЛАГ. 1918—1960, С. 441—442.

¹²² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 158—183 об. См. выше С. 22.

¹²³ Здесь необходимо отметить, что мы не в состоянии измерить, по каким масштабам общежития, бани и прачечные в Тагильском лагере – который по линии производства в этот период подчинялся Главному управлению лагерей промышленного строительства (ГУЛПС) НКВД (Система ИТЛ. Справочник, С. 473) – действительно заслуживали классификацию как «прекрасные». В данном контексте, однако, важна, прежде всего, положительная коннотация, которую этот пример имел в аргументации Лойдина.

какой особый упор он в своей речи сделал на таком представлении об «образцовых» лагерях и колониях, что отражается в нескольких высказываниях следующего характера: «...мы должны перед собой ставить задачу давить лагеря, если они не будут образцовыми. Если лагерь не образцовый, мы должны рассматривать его как лагерь, который не справляется с работой.»¹²⁴

Такие специфические улучшения в состоянии лагерей и колоний, по представлению Лойдина, напрямую должны были отражаться в основных показателях о физическом состоянии контингентов заключенных. В этом плане, Лойдин нацеливался на «резкий перелом»: «мы должны прямо сказать лагерям какая у них должна быть группа «В»¹²⁵ и какая смертность и надо поставить перед ними целевую задачу: чтобы смертность была не выше 0,25%¹²⁶ и группа «В» чтобы не выше 8%»¹²⁷ При этих размышлениях, правда, экономические соображения не совсем отсутствовали, поскольку, как Лойдин также отметил, «вопрос сохранения контингентов будет вопрос трудоустройства», на что начальник ГУЛАГа Наседкин его перебил: «А сейчас, при остром недостатке рабочей силы, злоупотребления растут, поэтому наши мероприятия должны быть твердыми»¹²⁸.

Однако следует подчеркнуть, что идея о переводе лагерей и колоний на «образцовое» состояние не представляла ни изолированную идею Лойдина, ни чистым инструментом для достижения других целей. На самом деле, она и в большинстве остальных докладов на данном совещании проявляется в разных вариациях и оттенках. Так, начальник управления снабжения излагал свои планы и достигнутые уже успехи в области всестороннего улучшения и питания, и вещевого довольствия заключенных,¹²⁹ в то время как руководители управлений охраны и режима видели «большую роль, которую в наведении образцового (!) порядка в лагере – колонии» должна была играть надзирательская служба, а состав военизированной охраны намечали «очистить ... от больных, стариков, морально-разложившихся», одновременно улучшая его материальное положение.¹³⁰ В эту картину вписывается и выступление начальника управления колониями Завгороднего, которое заслуживает отдельное внимание, так как к его ответственным относилась также выполнение колониями производственных программ и финансовых планов. Действительно, Завгородний излагал проблемы перехода колоний с производства на военные цели на выпуск востребованных для

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 163 об., похоже: Л. 161 об.

¹²⁵ Группа «В» = Доля (в процентном отношении) неработающих по болезни заключенных от общего контингента узников, находящегося в одном лагере / в одной колонии. См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 125. Л. 125—126.

¹²⁶ Такой показатель соответствует среднегодовой смертности в размере 3%, так как в ГУЛАГе в 1943 г., внедрялась своеобразная методика вычета смертности среди заключенных в лагерях и колониях путем деления суммы всех умерших за год на сумму из всех 12-и средних ежемесячных численностей того же года. См. Кокурин, Александр / Моруков, Юрий: ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль, № 7 / 2000, С. 127—128.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 162—162об. По сравнению с военными годами, когда смертность заключенных по всей лагерной системе достигала свыше 20% (ГУЛАГ. 1918—1960, С. 441.), среднегодовая смертность в размере 3% заключенных может показываться относительно низкой. Тем не менее, тот факт, что в качестве ориентировочной цели выбиралась не та смертность, которую следует ожидать среди (вольного) населения в стране в мирных условиях, а показатель, который однозначно превышал ее, показывает, что такие термины, как «образцовое» или «хорошее состояние» следует рассматривать беспристрастно и с осторожностью. Однако, опять-таки приходится подчеркнуть, что в нашем контексте важен тот факт, что в ГУЛАГе развивалась инициатива к существенному – относительному – улучшению этих показателей.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 163.

¹²⁹ Там же. Л. 164—166об.

¹³⁰ Там же. Л. 171—171об., 168.

покрытия нужд как самой лагерной системы, так и других организаций товаров широкого потребления, а также вопросы финансирования и кредитования, возникающие в этой связи. Однако, он также поднимал вопрос «упорядочения лагерного сектора», отметив, что в этой области «будут значительно лучше условия для приведения наших колоний в лучшее состояние», и, несколько дальше: «... в образцовое состояние»¹³¹

Наконец, разумеется, что, помимо отдельных докладов представителей отделов и управлений ГУЛАГа, следует учитывать подведенные начальником ГУЛАГа Наседкина итоги совещания. Они полностью соответствуют картине, по которой цель политики ГУЛАГа в тот период заключалась в общем улучшении состояния лагерей и колоний в указанных пунктах. По его словам, ГУЛАГ должен был стремиться «повысить качественное состояние лагеря (!), в части приведения в образцовое состояние», достигать улучшения «бытовых условий и наведение порядка в режиме содержания», а также использовать «резкую возможность в смысле улучшения питания заключенных».¹³²

Есть основания полагать, что подобная стратегия ГУЛАГом преследовалась и в следующие годы, о чем свидетельствует, к примеру, многочисленные акты проверок, которые сотрудники контрольно-инспекторского отдела ГУЛАГа в конце 1940-х и в начале 1950-х гг. составляли при проведении на местах ревизий, и из которых четко выходит, какие требования ГУЛАГ фактически предъявлял исправительно-трудовым лагерям и колониям.¹³³ Более того, даже идея об «образцовых» лагерях встречается, кроме в изученном выше протоколе, также и в более поздних официальных документах ГУЛАГа. Приведем, в качестве примера, циркуляр начальника ГУЛАГа, Добрынина, разосланный всем начальникам лагерей и строителств МВД 24 мая 1949 г.: «Исправительно-трудовые лагеря должны стать образцовыми местами заключения, в которых были бы невозможны нарушения революционной законности, побег, нарушения режима и физическое ослабление заключенных».¹³⁴ Через два месяца, выпускался новый циркуляр, предназначенный теперь не только для начальников лагерей, но и тех УИТЛК и ОИТК (которым на территориальном уровне подчинялись колонии): «В результате проведенных в 1948 г. и начале 1949 г. мероприятий по выполнению указаний Министра Внутренних Дел Союза ССР о приведении лагерей и колоний в образцовые исправительно-трудовые учреждения в большинстве лагерей и колоний наведен должный порядок в режиме содержания, охране и трудовом использовании заключенных».¹³⁵

На фоне всех приведенных источников, создавалась четкая картина о фактической политике, которую ГУЛАГ проводил, исходя из той позиции, которую он занимал после преобразования администрации системы лагерей и колоний НКВД/МВД 1940/41 гг. Если построить, соответственно использованным документам, иерархию целей в общей политики ГУЛАГа, то проблема выполнения производственных планов в ней никак не занимала центральное место. Скорее, политика ГУЛАГа была ориентирована на всестороннем улучшении состояния лагерей и колоний как таковых – т.е. как места заключения.

¹³¹ Там же. Л. 159.

¹³² Там же. Л. 181—181об.

¹³³ См. хранящиеся в архивных фондах ГУЛАГа разделы «Контрольно-инспекторский отдел и пр.» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1.) и «Группа ответственных инспекторов» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д.). Этот массив источников требовал бы отдельного изучения.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 97. Л. 69.

¹³⁵ Там же. Л. 118.

По отношению к лагерям, такой результат особо не примечателен, поскольку, как выше было показано, именно таковы были компетенции ГУЛАГа в плане управления ими. Что же касается колоний, то тот факт, что ГУЛАГ в своей стратегии управления ими также сделал акцент на решении указанных, «лагерных» вопросов, подтверждает гипотезу о том, что экономическая деятельность колоний действительно не была настолько значимой, чтобы она существенно отражалась в образе стратегических планах ГУЛАГа. Следовательно, ГУЛАГ в целом в послевоенный период больше не проводил политику, похожую на ту типичного производственного главка, непосредственно отвечающего за выполнение экономических задач.

На фоне изложенной выше разделения ответственностей за большинство исправительно-трудовых лагерей между ГУЛАГом и производственными главками, однако, автоматически возникает вопрос о том, сказывалась ли эта конstellляция на перспективах ГУЛАГа реализовать свою политику в лагерях и на практике. Его следует рассматривать на фоне описанной выше проблемы, что принцип двойного строения центрального административного аппарата системы исправительно-трудовых лагерей зачастую не репродуцировалась на уровне самих лагерей и связанных с ними производственных объектов, вследствие чего на уровне управлений лагерей те задачи, поставленные перед лагерями со стороны ГУЛАГа, сталкивались с требованиями производственных главков о выполнении производственной программы.

О наличии такой проблематики свидетельствует множество отметок в переписке ГУЛАГа с лагерями, а также с другими организациями. В качестве примера можно привести упомянутый выше циркуляр начальника ГУЛАГа и нач. Политотдела ГУЛАГа начальникам ИТЛ и строительств МВД от 24 мая 1949 г.: отмечая, что с перспективы ГУЛАГа в 1948 г. «в отдельных лагерях ... в работе лагерного сектора имеются существенные недостатки», авторы аргументировали, что отдельные начальники исправительно-трудовых лагерей и строителей МВД (а также их заместители по кадрам и начальники политотделов) «... до сего времени не уделяют должного внимания работе лагерного сектора и укреплению его соответствующими кадрами.» Подобные оценки можно находить и по отношению к отдельным лагерям. Так, начальник ГУЛАГа отметил в своем заключении по докладу начальства Норильского исправительно-трудового лагеря о состоянии и работе лагеря в первом квартале 1951 года: «Невыполнение утвержденных МВД СССР в феврале 1951 года мероприятий и наличие недоотчетов в работе Норильского ИТЛ свидетельствует о том, что начальник лагеря ... по-прежнему мало уделяет внимания работе лагерного сектора, недооценивает вопросы охраны, режима и оперативной работы и не выполняет требования МВД СССР о необходимости превращения Норильлага в образцовое исправительно-трудовое учреждение»¹³⁶. Через полгода, обстановка, видимо, не изменилось, как выходит из заключения по результатам ревизии оперативно-служебной деятельности Норильского ИТЛ из ноября 1951 г. «Руководство лагеря и политический отдел главное внимание в практической работе направляли не на коренное улучшение внутрилагерной работы, а на решение производственно-хозяйственных задач. Именно поэтому не было проявлено настойчивости по наведению порядка в режиме содержания, изоляции и охране заключенных.»¹³⁷

Иногда, такую проблематику осознали даже производственные главки, как показывает требование Главного управления лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) МВД о переводе финансового содержания исправительно-трудовых

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 116.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 461. Л. 8—9.

лагерей на государственный бюджет в апреле 1948 г.: «Это коренным образом изменит существующее сейчас положение при котором хозяйственные интересы иногда превалируют над задачами Государственной безопасности, что приводит к недостаткам в состоянии лагерей».¹³⁸ Самую обзорную оценку, однако, сформулировал начальник ГУЛАГа, Долгих, в июне 1953 г.: «Практика работы в прошлом показала, что начальники Управлений ИТЛ строителей и предприятий МВД, занимаясь главным образом производственной деятельностью, не уделяли должного внимания вопросам обеспечения надлежащего режима и охраны заключенных, что приводило к отрицательным последствиям и нарушениям требований по содержанию заключенных».¹³⁹

Таким образом, стало видно, что ГУЛАГу было трудно добиться фактической реализации той специфической политики, которую он проводил в соответствии с предназначенными ему в управленческой системе 1940-х и ранних 1950-х гг. ответственностями на уровне лагерей, так как лагерные администрации, как правило, были обязаны одновременно выполнять разные цели. Безусловно, поведение каждой лагерной администрации в этом отношении должно быть расследовано и оценено в отдельности. В приведенных источниках, однако, отражается тенденция, что нередко начальства лагерей предпринимали бо́льшие усилия для достижения экономических целей, пренебрегая при этом требованиями ГУЛАГа о превращении лагерей в «образцовый» порядок.

Заключение

Данное исследование рассматривало структуры, которые в период Сталинизма осуществляли массовое использование принудительного труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний. Через места заключения обоих типов за весь период Сталинизма прошли миллионы заключенных, и условия их содержания в лагерях и колониях во многих планах были сходные. Тем не менее, нами установлены существенные функциональные различия в плане роли лагерей, с одной стороны, и колоний, с другой, в народном хозяйстве СССР. Конкретно, организация лагерей и руководство ими, прежде всего, ориентировались на выполнение или обслуживание значимых, зачастую крупных и долгосрочных экономических объектов, в то время как колонии организовывались и руководились, в первую очередь, с учетом их классической функции как места заключения – для осужденных к краткосрочным приговорам. Так как эта функция в соответствии с советской карательной политики также включала задачу трудового использования заключенных, колонии также занимались экономической деятельностью – однако в гораздо менее приоритетных в условиях советской экономики секторах, нежели лагеря и

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 334. Л. 83.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 585. Л. 85. Цитируется из письма, подготовленного ГУЛАГом за подпись зам. Министра Юстиции СССР. Последний по предложению нач. ГУЛАГа, Долгих, должен был ответить на письмо начальника Унженского Спецуправления Министерства Лесной и Бумажной Промышленности СССР, Иванова, в адрес председателя СМ, Маленкова. Данное спецуправление создавалось в ходе реорганизации описанной выше системы лагерей и производственных объектов в марте 1953 г. – рядом с отдельным управлением «лагерного» сектора – для руководства производственной деятельностью Унженского ИТЛ. В своем письме, Иванов подверг резкой критике это разделение производственного и лагерного секторов в исправительно-трудовых лагерях, предлагая возвращения к распространенной до этого момента принципу «единоначалия». По его словам, «раньше-же весь коллектив [тогдашнего единого] Управления решал и режимные и производственные вопросы, причем, решал неплохо...» См. там же, Л. 80—81.

связанные с теми экономические объекты. Таким образом, исправительно-трудовые лагеря представляли собой костяк той «лагерной экономики», которая существовала за весь период Сталинизма.

Как стало видно, эти функциональные различия нашли свое отражение в разных принципах управления как раз в плане экономической и производственной их деятельности. В этом отношении, лагеря со своими экономическими объектами, как правило, находились в подчинении центральных, в возрастающей степени экономически и технически специализированных ведомств – в начале в составе ГУЛАГа, а затем в составе самостоятельных производственных главков НКВД(МВД), пока эти экономические компетенции в 1953 г. не были полностью переданы посторонним министерствам. Колонии же за весь период подчинялись мало специализированным территориальным органам, которыми руководил одно центральное управление в составе ГУЛАГа. В отношении же всех вопросов, касающихся специфических функций мест заключения как таковых, принцип управления был практически одинаковым – как лагеря, так и колонии подчинялись (либо непосредственно, либо через территориальные органы) одному и тому же ведомству – ГУЛАГу.

В развитии администрации лагерей проявлялись два распространенных в советской бюрократии явления. Наблюдалась – правда, при постоянном росте и диверсификации самой системы лагерей, происходивших параллельно – тенденция к повторной реструктуризации, а также к постоянной диверсификации и раздроблению административных структур. Сверх этого, возможны более специфические выводы: развитие административного аппарата показала, что целевой вектор руководства НКВД(МВД) по отношению к системе лагерей явно состоял из двух основных комплексов – решение экономических задач посредством использования принудительного труда, и реализация принципов советской карательной политики. В рассматриваемый период, подходы к их одновременной реализации повторно менялись. В 1930-е гг., ответственность за выполнение обеих этих целей возлагалась на ГУЛАГ. После периода стремительной экспансии как лагерной системы и связанных с ней производственных объектов, так и административных структур внутри самого ГУЛАГа, был выбран путь четкого разделения этих задач друг от друга – по крайней мере на уровне главков: в начале 1940-х гг., основные экономические компетенции были сняты с ГУЛАГа и переданы в специальные, новосозданные производственные главки. В результате, за ГУЛАГом остались – если не учитывать ответственность за производственную деятельность колоний – неэкономические задачи, такие, как обеспечение изоляции заключенных и дисциплины среди них, но также контроль за их физическим состоянием и за санитарными и бытовыми условиями во всех лагерях и колониях. Пересечения с компетенциями производственных главков имелись только в плане осуществления эффективного трудового использования заключенных.

Как показал анализ внутренней документации руководства ГУЛАГа, эти задачи действительно определяли рамки фактической политики этого ведомства в послевоенный период: ГУЛАГ развивал и преследовал стратегию существенного улучшения состояния лагерей именно по этим критериям. В силу новой постановки административных ответственностей и зависимостей, однако, такая стратегия ГУЛАГа на уровне лагерей – которые, как правило, управлялись единым начальствам – частично пересекались с экономическими требованиями, поставленных перед лагерями производственными главками. Притом есть свидетельства тому, что начальства лагерей в таком положении нередко придавали большего значения вопросу решения производственных задач.

* * *

Тем не менее, такой вывод в некоторых планах предварительный. Так, в данной работе, описанная проблема освещалась не исключительно, но главным образом с перспективы ГУЛАГа. Отсюда вытекает логичное требование к освещению тех же вопросов с перспективы производственных главков, лагерных управлений, а также самого НКВД(МВД). Помимо более подробного анализа межведомственных отношений, при этом также следовало бы уделять внимание таким аспектам, как конкретным средствам настаивания своих целей, которыми могло пользоваться ГУЛАГ, с одной стороны, и производственные главки, с другой. Думается, что изучение и сравнение политики и ГУЛАГа, и производственных главков, позволит более конкретно определить специфическую значимость различных целей в целевых векторах всего административного аппарата, т.е. НКВД/МВД, а также политического руководства страны, по отношению к роли и к функциям всей системы лагерей и колонии в советском государстве и в советской экономике. Указывать пути для дальнейшей работы над такими и подобными вопросами было как раз одной из целей данной работы.